

Новая Польша 9/2017

0: Веди свой плуг по костям умерших

*Некогда, кроток душой,
По опасной тропе
Праведный шел человек,*

Пробираясь долиною смерти. Уильям Блейк. «Бракосочетание Неба и Ада». Перевод С. Я. Маршака

Я уже в том возрасте и в таком состоянии, что перед сном должна хорошенько вымыть ноги на случай, если Ночью меня заберет скорая.

Проверь я в тот вечер в «Эфемеридах», что происходит на небе, — вообще бы не ложилась. А так заснула, как убитая, напившись чаю из шишек хмеля и проглотив две таблетки валерьянки. Поэтому, когда посреди Ночи меня разбудил стук в дверь — оглушительный, настойчивый, а потому и зловещий — я никак не могла прийти в себя. Вскочила и стояла, пошатываясь, возле кровати — разоспавшееся, содрогающееся тело не могло в одночасье перескочить из сонной невинности в грубую действительность. Мне стало нехорошо, я покачнулась, будто собиралась упасть в обморок. Увы, в последнее время такое со мной случается нередко, это связано с моим Недугом. Пришлось присесть и несколько раз повторить себе: я дома, сейчас Ночь, кто-то дубасит в дверь — только тогда удалось успокоиться. Ища впотьмах тапочки, я услышала, как тот, кто дубасил в дверь, теперь обходит дом и что-то бурчит. Внизу, в нише для электрических счетчиков, у меня стоит баллончик с парализующим газом — подарок Дионизия, чтоб защищаться от браконьеров — и я о нем вспомнила. В темноте удалось нащупать знакомый холодный предмет с аэрозолем, и, вооружившись им, я зажгла свет на крыльце. Выглянула в боковое окошко. Снег закрипел, и в поле зрения появился сосед — я его называю Кшиштонем. Руками он прижимал к бедрам полы своего старого тулупа; я иногда вижу, как он работает в этом тулупе возле своего дома. Из-под тулупа торчали ноги в полосатой пижаме и тяжелых ботинках для ходьбы по горам.

— Открой, — сказал он.

С нескрываемым удивлением он взглянул на мой летний льняной костюм, в котором я сплю (летом профессор со своей женой хотели его выбросить, а мне он напоминает о давнишней моде и временах моей молодости — вот так я совмещаю Полезное с Сентиментальным), и бесцеремонно прошел в дом.

— Будь добра, оденься, Снежный человек умер.

От неожиданности я лишилась дара речи; без слова натянула высокие сапоги и набросила первую подвернувшуюся под руку теплую куртку, что висела на вешалке. На крыльце, в свете лампы, падающий снег превратился в медленный, сонный, белокипенный душ. Кшиштонь стоял рядом молча, высокий, худой, костистый, словно нарисованный несколькими штрихами карандаша. При малейшем движении с него, словно сахарная пудра с пончика, слетал снег.

— Как это «умер»? — со стиснутым горлом, наконец, спросила я, закрывая дверь, но Кшиштонь не ответил. Он вообще неразговорчив. Очевидно, в знаке, ответственном за молчание, у него стоит Меркурий в доме Козерога или в конъюнкции, или в каком-нибудь квадранте, а, может, и в оппозиции с Сатурном. Такое случается и тогда, когда Меркурий в ретроградации — все это дает скрытность.

Мы вышли из дома, и на нас тут же обрушились каскады привычного холодного и влажного воздуха, который каждую зиму напоминает о том, что мир не был создан для Человека, и по крайней мере полгода подтверждает, насколько он нам враждебен. Мороз грубо накинута на наши щеки, изо рта поплыли белые облака пара. Свет на крыльце автоматически погас, и по скрипящему снегу мы зашагали в полной темноте, если не считать света от налобного фонарика, который дырявил темноту только в одной перемещающейся точке — чуть-чуть впереди Кшиштона. Я топала во Мраке за его спиной.

— У тебя что, фонарика нет?

Конечно же есть, но где он лежит? Об этом я бы узнала только утром, при дневном освещении. С фонариками всегда так: их видно только среди бела дня.

Дом Снежного человека стоял чуть в стороне, выше других домов. Был он одним из трех, где жизнь продолжалась круглый год. Он, Кшиштонь и я жили тут, не боясь зимы; остальные обитатели уже в октябре наглухо закрывали свои жилища, спускали воду из труб и возвращались в город.

Мы свернули с худо-бедно расчищенной дороги, что проходит через наше поселение и тропинками расходится к каждому дому. К Снежному человеку вела настолько узкая, проложенная в глубоком снегу тропка, что приходилось ставить одну ногу впереди другой, стараясь при этом не потерять равновесия.

— Картина будет не из приятных, — предостерег Кшиштонь, повернувшись и ослепив меня на секунду.

Ничего другого я не ожидала. Он с минуту помолчал, а потом, будто желая оправдаться, говорит: — Обеспокоил меня свет у него на кухне и лай собаки, душераздирающий такой. Ты ничего не слышала? Нет, не слышала. Спала, одурманенная хмелем и валерьянкой.

— Где теперь эта Сучка?

— Я ее забрал оттуда, взял к себе, накормил, кажется, она успокоилась.

Снова молчание.

— Он всегда ложился спать рано, гасил свет, экономил, а тут горит и горит. Светлая полоса на снегу. Из окна моей спальни видно. Я и пошел туда, подумал: наверно, напился или над собакой издевается, раз она так воет. Прошли мимо покосившегося сарая и через минуту фонарик Кшиштоня вырвал из темноты две пары светящихся глаз — зеленоватых, флюоресцирующих.

— Смотри, косули, — сказала я возбужденным шепотом и схватила его за рукав тулупа. — Как близко подошли к дому. И не боятся?!

Косули стояли в снегу почти по самое брюхо. Смотрели на нас спокойно, будто мы их застали за каким-то ритуалом, смысла которого нам не дано понять. Было темно, и я не могла сообразить, те ли это Барышни, что осенью пришли к нам из Чехии или какие-то новые? И почему только две? Тех, по крайней мере, было четыре штуки.

— Идите домой, — сказала я им и замахала руками. Дрогнули, но с места не сошли. Спокойно проводили нас взглядом до самых дверей. Мурашки поползли у меня по спине.

Меж тем Кшиштонь сбивал с ботинок снег перед дверью запущенного домика. Маленькие окошки законопачены фольгой и бумагой, деревянную дверь прикрывал лист черного толя.

Стены в сенях обложены дровами для топки в печи — неровными чурками. Что и говорить, неприятно здесь было. Грязь, запущенность. Тянуло сыростью, волглыми поленьями и землей — мокрой и прожорливой. Многолетний запах дыма въелся в стены, сажа осела на них толстым слоем.

Дверь в кухню была приоткрыта, и я тут же увидела лежащее на полу тело Снежного человека. Едва его коснувшись, мой взгляд тут же отпрянул. Прошло немного времени, прежде чем я смогла опять взглянуть в ту сторону. Вид был чудовищный.

Он лежал весь скрюченный, в странной позе, с руками на шее, будто хотел сорвать с нее давящий воротник. Как загипнотизированная, я шаг за шагом подходила к нему все ближе. Увидела открытые глаза, впившиеся взглядом во что-то под столом. Грязная футболка была разорвана возле шеи. Выглядело это так, будто тело боролось само с собой и, поверженное, пало. От Ужаса меня пробрал мороз, кровь остановилась в жилах, и мне почудилось, что потом она схлынула куда-то в самую глубь моего существа. Еще вчера я видела это тело живым.

— Боже мой, — пробормотала я. — Что произошло?

Кшиштонь пожал плечами.

— Не могу дозвониться до полиции, сигнал только от чешского оператора.

Я вытащила из кармана свой мобильник, выстукала номер, который знала из телевизионных новостей — 997 — и через несколько секунд в моем телефоне отозвался чешский голос. И вот так здесь почти всегда. Сигнал дрейфует, не обращая внимания на государственную границу. Бывает, что граница зон обслуживания разных операторов на довольно длительное время устанавливается посреди моей кухни, случалось, что несколько дней она проходила вблизи дома Кшиштоня или на его террасе — трудно предвидеть ее химерический характер.

— Надо было выйти из дому и подняться на горку, — дала я ему запоздалый совет.

— Пока они приедут, он уже совсем остынет, — сказал Кшиштонь тоном, который я у него особенно не любила: будто он умнее всех. Он снял тулуп и повесил на спинку стула. — Нельзя его так оставить. Выглядит паршиво, но, в конце концов, он ведь был нашим соседом.

Я смотрела на это несчастное, скрюченное тело, и мне с трудом верилось, что еще вчера я его боялась. Я не любила его. Может, «не любила» — слабо сказано. Надо бы сказать: он мне казался жутким, омерзительным. Я его даже за Человека не считала. Сейчас он лежал на грязном полу, в неопрятном белье, маленький и худой, бессильный и безвредный. Так себе — комок материи, которая в результате невероятных преобразований отгородилась от всего живого хрупкой сущностью. Мне стало ужасно грустно, поскольку даже такой отвратительный человек не заслужил смерти. А кто заслужил? Меня тоже ждет такая судьба, и Кшиштоня, и Косуль; все мы когда-нибудь станем всего лишь мертвым телом и ничем более.

Я взглянула на Кшиштоня, ища у него хоть какого-то утешения, но тот уже принялся стелить разворошенную постель — логово на продавленной кушетке — и мне пришлось утешать саму себя в мыслях. И тогда мне пришло в голову, что смерть Снежного человека, в каком-то смысле, может быть чем-то позитивным. Освободила его от хаоса собственной жизни. Освободила от него другие живые Существа. Внезапно я поняла, насколько позитивной, насколько справедливой может оказаться смерть — как антисептическое средство, как пылесос. Признаюсь, именно так я и подумала, и так продолжаю думать до сих пор.

Снежный человек был моим соседом, между нашими домами никак не более полукилометра, но я редко имела с ним дело. К счастью. Скорее издалека наблюдала, как невысокая, жилистая фигура, вечно чуточку пошатывающаяся, перемещается на фоне ландшафта. По ходу он что-то бормотал себе под нос, причем иногда ветер и акустика нашего Плато приносили мне обрывки его монолога, в принципе бесхитростного, не

отличающегося разнообразием, состоящего в основном из проклятий, к которым он присовокуплял имена собственные.

Он знал здесь каждый уголок, здесь, кажется, и родился, но дальше Клодзка носа никогда не высовывал. Он отлично понимал, что такое лес — на чем можно подзаработать, что кому продать. Грибы, ягоды, ворованное дерево, хворост, силки, ежегодный рейд внедорожников, охота. Лес кормил этого маленького гнома. Ему бы уважать лес, но он его не уважал. Как-то в августе, во время засухи, Снежный человек поджег целый черничник. Я позвонила пожарникам, но спасти удалось немного. Мне так и не удалось узнать, зачем он это сделал. Летом он бродил по окрестностям с пилой и спиливал налившиеся соком деревья. Когда я, с трудом сдерживая Гнев, сделала ему вежливое замечание, он ответил мне по-простому: «Вали отсюда, старуха». Только еще сочнее. Подрабатывал он тем, что крал, прикарманивал, тырил; когда отдыхающие оставляли во дворе фонарь или секатор, тут же пользовался случаем и прибирал к рукам все, что можно было потом оприходовать в городе. По мне, к нему уже не раз должны были применить какое-либо наказание или даже послать за решетку. Не пойму, как это ему все сходило с рук. Может, ангелы остерегали — бывает же, что они выбирают не ту сторону.

Знала я и то, что он браконьерствует всеми возможными способами. Он трактовал лес, как свое личное хозяйство — все в нем принадлежало ему. Он был типом гангстера.

Много Ночей я не спала из-за него. От полного бессилия. Несколько раз звонила в Полицию — если там поднимали трубку, то вежливо выслушивали жалобу, но потом ничего не происходило. Он опять отправлялся в лес, с перекинутыми через плечо силками, зловеще покрикивая. Маленькое, злобное божество. Злонравное и непредсказуемое. Он вечно был чуть навеселе, и, видно, алкоголь освобождал в нем зловерный нрав. Он всегда бубнил что-то под нос, а палкой ударял по стволу деревьев, будто хотел их прогнать прочь с дороги; казалось, он уже родился в состоянии легкого омрачения. Я не раз ходила по его следу, собирая примитивные проволочные капканы на Зверей, петли, привязанные к молодым пригнутым к земле деревцам таким образом, что пойманный Зверек выстреливал вверх, как из рогатки, и зависал в воздухе. Иногда я находила мертвых Зверей — Зайцев, Барсуков и Косуль.

— Надо бы перенести его на кушетку, — сказал Кшиштонь.

Не нравилась мне эта идея. Не нравилась, потому что придется дотронуться до него.

— Думаю, стоит подождать Полицию, — сказала я. Но Кшиштонь уже приготовил место на кушетке, подтянул рукава свитера и испытующе глянул на меня своими светлыми глазами.

— Тебе бы самой, наверно, не хотелось, чтоб тебя нашли в таком виде. Не по-человечески это.

О да, тело человека — нечеловеческое, это уж точно. Особенно мертвое.

Разве это не мрачный парадокс: заниматься телом Снежного человека? Этой последней мастью, которую он нам оставил? Нам, соседям, кого не уважал, не любил и на кого ему было наплевать.

По мне, после Смерти материя должна аннигилировать. Это лучшее решение для тела. Аннигилировавшие тела возвращались бы прямым в черные дыры, туда, откуда они вышли. Души странствовали бы по свету со скоростью света. Если вообще Душа, как таковая, существует.

Преодолевая в себе страшное сопротивление, я сделала все так, как велел Кшиштонь. Мы взяли тело за руки и за ноги и перенесли его на кушетку. Я еще удивилась: тело было тяжелым и совсем не казалось бессильным, скорее упрямо негнушится — неприятное, как накрахмаленное постельное белье, которое везешь из прачечной.

Увидела я и носки или то, что было вместо них на ногах — грязные тряпки, портянки из разорванной на полосы простыни, серой и в пятнах. Не знаю, почему вид этих портянок так сильно поразил меня в грудь и диафрагму, так поразил все мое тело, что я уже не могла сдержать рыданий. Кшиштонь с явным укором бросил на меня холодный взгляд.

— Пока они не приехали, надо его одеть, — сказал он, и я заметила, как от вида этой человеческой нищеты у него дрожит подбородок (хотя по непонятным причинам он не хочет в этом признаться).

Сперва мы попытались стянуть с него футболку — грязную и вонючую — но через голову никак не получалось, тогда Кшиштонь достал из кармана какой-то причудливый ножичек и разрезал материал на груди. Теперь Снежный человек лежал перед нами полуголый, волосатый, как тролль, со шрамами на груди и руках и уже неотчетливыми татуировками, среди которых я не смогла найти ничего стоящего. Сквозь иронический прищур глаз тело его наблюдало, как мы в развалившемся шкафу ищем хоть что-то приличное, во что его можно одеть, пока оно не остыло окончательно и снова не превратилось в то, чем, по сути, и было — комком материи. Рваные трусы торчали из-под новеньких серебристых треников.

Я осторожно размотала эти омерзительные портянки и увидела его ступни. Они потрясли меня. Я всегда считала, что ступни — наша самая интимная, самая сокровенная часть тела, а вовсе не гениталии, не сердце и даже не мозг — органы не имеющие существенного значения, хотя их высоко ценят. Именно в ступнях спрятаны все сведения о Человеке, туда со всего тела сплывает важный смысл того, кто мы такие на самом деле и как относимся к земле. В месте соприкосновения с землей, на ее стыке с телом сокрыта вся тайна: что состоим мы из кирпичиков материи и одновременно чужды ей, обособлены от нее. Ступни — это наши штепсельные вилки для контакта. А его голые ступни свидетельствовали, что был он иного происхождения. Не мог он быть Человеком. Судя по всему, он представлял собой какую-то безымянную форму, одну из тех, что — по словам нашего Блейка — «расплавляют металлы в текучие жидкости, превращают порядок в хаос» Уильям Блейк. «Песни Невинности и

Опыта». Перевод С. Степанова. Не исключено, что был он чем-то вроде демона. Демонические существа узнаешь по ступням, они оставляют на земле другой след.

Эти ступни — очень длинные и узкие, с тонкими пальцами, с черными, бесформенными ногтями, казалось, были созданы для того, чтобы хватать. Большой палец отставал от остальных, как если бы это была ладонь. Стопы заросли густым черным волосом. Кто-нибудь видел такое? Мы с Кшиштоном переглянулись.

В полупустом шкафу нашли костюм кофейного цвета, кое-где запятнанный, но в принципе почти не ношенный. Я его никогда на нем не видела. Он вечно ходил в валенках и потертых штанах, к этому, независимо от времени года, надевал клетчатую рубашу и стеганную безрукавку.

Одевание мертвеца связалось у меня с мыслью о ласках. Не думаю, чтоб он познал такую нежность в своей жизни. Осторожно поддерживая за предплечья, мы натягивали на него одежду. Его тело опиралось на мою грудь, и когда вызывающая тошноту волна естественного отвращения миновала, мне внезапно захотелось прижать его к себе, похлопать по спине, сказать что-нибудь утешительное: не беспокойся, все будет хорошо. Но я этого не сделала из-за присутствия Кшиштона. Он бы счел такое извращением.

Неосуществленные жесты превратились в мысли, и мне стало жаль Снежного человека. Может, его бросила мать, и он был обездоленным всю свою жалкую жизнь. От несчастья Человек за долгие годы деградирует в большей степени, чем от смертельной болезни. Я никогда не видела у него гостей, не появлялись у него ни родственники, ни друзья. Даже грибники не задерживались возле его дома, чтобы поболтать. Люди боялись и не любили его, кажется, что водил он знакомство только с охотниками, да и то редко. Было ему, на мой взгляд, около пятидесяти, и я бы многое отдала, чтобы увидеть его восьмой дом: нет ли там связанных меж собой каким-либо аспектом Нептуна с Плутоном и Марса где-нибудь на Асценденте — поскольку с той зубастой пилой в жилистых руках он напоминал хищника, что живет только для того, чтобы сеять смерть и причинять страдание.

Собираясь надеть на него пиджак, Кшиштонь приподнял его и посадил на кушетке, и тогда мы увидели, что его язык, большой и распухший, что-то придерживает во рту; после минутного колебания, стискивая зубы от отвращения, я всунула руку ему в рот и тут же отдернула, всунула и отдернула, и так до тех пор, пока осторожно не ухватила этот предмет за конец и тогда увидела, что в руке у меня косточка — длинная, тонкая и острая, как стилет. Послышалось горловое бульканье, и из мертвого рта вышел воздух — тихий свист, напоминающий вздох. Мы оба отскочили, и, наверно, Кшиштонь ощутил то же, что я: Ужас. Особенно потому, что через минуту на губах Снежного человека появилась темно-красная, почти черная кровь. Зловещий ручеек, выплывший наружу. От страха мы застыли.

— Ну что ж, — сказал тогда Кшиштонь дрожащим голосом, — подавился. Кость застряла у него в горле, встала поперек, вот и подавился, — нервно повторял он. А потом, как бы успокаивая самого себя, бросил: — За работу. Дело неприятное, но обязанности в отношении близких не всегда должны быть приятными.

Я поняла: он поставил себя начальником этой ночной смены, и я подчинилась.

Теперь мы целиком предалися заданию: натянуть на Снежного человека кофейный костюм и придать ему в лежачем положении достойную позу. Я давно не касалась чужого тела, не говоря уже о мертвом. Чувствовала, как с каждой минутой он все больше остывает и каменеет — вот мы и спешили. И когда Снежный человек уже лежал в праздничном костюме, лицо его полностью лишилось человеческого выражения, он стал трупом, никаких сомнений не было. Только указательный палец правой руки не хотел подчиниться традиции — сплестись с остальными — торчал вверх, будто хотел обратить наше внимание и на какое-то время приостановить наши нервные спешные усилия. «А теперь внимание! — говорил этот палец. — Теперь внимание, поскольку есть кое-что, чего вы не видите, существенная отправная точка скрытого от вас процесса, достойная самого пристального внимания. Благодаря ему мы сошлись в одном месте в то же самое время — в маленьком доме на Плато, среди снегов, в Ночи. Я — мертвое тело и вы — не слишком-то важные престарелые человеческие Существа. Но это лишь исходная точка. И вот только сейчас начнет разворачиваться действие».

Мы стояли с Кшиштоном в холодной, влажной комнате, в морозной пустоте, воцарившейся в мутном свете, и я подумала, что то, что выходит из тела, заодно высасывает из него кусок мира и, будь это выходящее хоть добрым, хоть злым, виновным или непогрешимым, от него остается лишь один большой пшик.

Я взглянула в окно. Серело, и постепенно эту серизну стали заполнять ленивые снежинки. Падали они неспешно, лавируя в воздухе и, точно перья, вращались вокруг собственной оси.

Снежный человек уже покинул нас, и трудно было на него обижаться. Осталось тело, мертвое, облаченное в костюм. Теперь оно выглядело спокойным и удовлетворенным, будто дух радовался тому, что, наконец-то, освободился от материи, а материя радовалась тому, что, наконец-то, освободилась от духа. За столь короткое время произошел метафизический развод. Конец.

Мы уселись на кухне, при открытых дверях, и Кшиштонь потянулся за стоящей на столе початой бутылкой водки. Нашел чистую рюмку и налил — сначала мне, потом себе. Сквозь заснеженные окна медленно струился рассвет, молочный, как больничные лампочки, и в этом свете я заметила, что Кшиштонь небрит, что щетина у него такая же седая, как у меня волосы, что его полосатая стиранная-перестиранная пижама, высовывающаяся из-под тулупа, застегнута не на все пуговицы, а сам тулуп в пятнах.

Я выпила немаленькую рюмку водки, и она разогрела меня изнутри.

— Думаю, что мы исполнили свою обязанность перед ним. Иначе кто бы это сделал? — убеждал Кшиштонь скорее себя, чем меня. — Был он мелкой несчастной дрянью, ну и что с того? Он налил себе еще рюмку, выпил одним духом, и его передернуло. Видно, с непривычки.

— Пойду звонить, — сказал он и вышел. А я подумала: затошнило его.

Я встала и окинула взглядом этот страшный балаган. Я надеялась, что где-нибудь отыщу удостоверение личности Снежного человека с датой рождения. Мне хотелось знать его данные для расчета Гороскопа. На столе, прикрытом вытертой клеенкой, стояла жаровня с обуглившимися кусками какого-то Животного, а рядом в кастрюле спал борщ, покрытый тонким слоем жира. Ломоть хлеба, отрезанный от буханки, масло в фольге. На полу, на рваном линолеуме валялось еще несколько остатков Животного, которые упали со стола вместе с тарелкой, стаканом и кусочками пирога, и все это было раздавлено, втоптанно в грязный пол. И тогда на подоконнике, на протвиньке, я заметила то, что мозг мой распознал не сразу, настолько отказывался верить увиденному — ровно отрезанную голову Косули. Рядом с ней лежали четыре ножи. Должно быть все это время полуоткрытые глаза внимательно следили за нашими действиями.

Да, это была одна из тех изголодавшихся Барышень, которые зимой по наивности позволяют заманить себя в силки замороженными яблоками, а попавшись, умирают в муках, задушенные проволокой.

Когда, наконец, до меня дошло, что здесь произошло, меня охватил Ужас. Он поймал Косулю в силки, убил, четвертовал, запек и съел. Одно Существо съедало другое, в Ночи, в молчании. И никто не протестовал, не раздался ни один раскат грома. Но все же Наказание настигло демона, хоть ни один человек не препроводил сюда смерть.

Быстро, дрожащими руками я собрала маленькие косточки в одно место, в кучку, чтоб позднее их похоронить. Нашла старый полиэтиленовый пакет и по одной клала эти косточки в пластиковый саван. Туда же осторожно положила голову.

Я так хотела узнать дату рождения Снежного человека, что стала нервно искать его удостоверение личности; сначала на буфете, среди бумаг, листков календаря и газетных страниц, потом в ящиках — там в деревенских домах хранят документы. И там оно было — зеленые корочки потерты, наверно, уже не действительное. На фотографии Снежному человеку было лет двадцать с небольшим, продолговатое, несимметричное лицо, прищуренные глаза. Даже тогда красотой он не блистал. Огрызком карандаша я записала дату и место рождения. Родился он 21 декабря 1950 года. Здесь.

Надо бы добавить, что в том ящике было еще кое-что: несколько фотографий, совсем новых, цветных. Я, по привычке, быстренько их проглядела, но одна привлекла мое внимание. Поднесла ее к глазам и уже хотела отложить. Но никак не могла сообразить, что же я вижу. И вдруг на меня обрушилась тишина, и я оказалась в ее центре. И смотрела. Тело мое напряглось, я была готова принять бой. Голова кружилась, в ушах нарастало мрачное гудение и грохот, будто из-за горизонта надвигалась многотысячная армия — голоса людей, лязг железа, скрип колес, и все такое далекое-далекое. Гнев делает ум ясным и проницательным, и тогда видишь больше. Он устраняет все другие эмоции, становится властелином тела. Нет сомнений, что из Гнева рождается всякая мудрость, поскольку Гнев может преодолеть любые границы.

Трясущимися руками я всунула фотографии в карман и в следующую минуту почувствовала, как все приготовилось к старту, как включились моторы сего мира, как его механизмы пришли в движение — заскрипела дверь, на пол упала вилка. Из глаз посыпались слезы.

Кшиштонь стоял в дверях.

— Не стоил твоих слез.

Сжав губы, он сосредоточенно выстукивал номер.

— Все время чешский оператор. Надо пойти на горку. Пойдешь со мной?

Мы тихонько закрыли за собой дверь и поплелись, проваливаясь в снег. На горке Кшиштонь стал крутиться вокруг собственной оси с двумя телефонами в вытянутых руках — искал сигнал. Перед нами в серебристо-пепельных отблесках рассвета лежала Клодзкая котловина.

— Привет, сынок, — сказал Кшиштонь в телефон. — Надеюсь, я тебя не разбудил?

Голос в трубке что-то ответил, но я ничего не поняла.

— Наш сосед умер. Думаю, костью подавился. Сейчас. Сегодня ночью.

Голос опять что-то сказал.

— Нет еще. Позвоню сразу. Сигнала не было. Мы с пани Душейко, с моей соседкой, если помнишь, — тут он взглянул на меня, — уже одели его, чтоб не окостенел...

И снова голос, на сей раз в нем слышится раздражение.

— Во всяком случае он уже в костюме...

Тогда тот, с кем разговаривал Кшиштонь, зачастил быстро и тараторил так довольно долго. Кшиштонь отстранил телефон от уха и с отвращением взглянул на него.

Потом мы позвонили в Полицию.

Вечный свет
Рожденному в земную часть

Придется снова в землю пасть. Уильям Блейк, «Песни опыта». Перевод С. Степанова.

Когда я вернулась домой, уже рассвело, и я от усталости совершенно перестала воспринимать действительность: мне опять показалось, что слышу в сениях топот Девочек, вижу их вопрошающие глаза, сморщенный лобик, улыбку. И тело уже приготовилось было к ритуальным приветствиям и нежностям.

Но — в доме никого. Зимняя белизна вливается в окна мягкими волнами, и в комнату упрямо вползает огромное открытое пространство Плато. Я спрятала голову косули в гараж, где стоял холод, подбросила в печь дрова. И не раздеваясь, легла, заснув мертвецким сном.

— Пани Янина.

И через минуту снова, чуть громче:

— Пани Янина.

Меня разбудил голос, доносящийся из сеней. Низкий, мужской, несмелый. Там кто-то стоял и звал меня, по имени, которое я ненавижу. Я обозлилась вдвойне: во-первых, потому что мне снова не давали спать и, во-вторых, называли так, как я не люблю и не одобряю. Имя это дали мне по неведению, легкомысленно. Такое происходит, когда Человек не задумывается над значением Слов, а тем более Имен, и использует их наобум. Я не позволяю, чтоб ко мне обращались: «пани Янина».

Я встала, поправила на себе одежду, которая выглядела не бог весть как, я ведь спала в ней не первую Ночь, и вышла в сени. Там в луже растаявшего снега стояли двое деревенских мужчин. Оба высокие, плечистые, усатые. Я забыла закрыть входную дверь, вот они и вошли; наверно, поэтому выглядели слегка виноватыми — это похвально.

— Мы бы хотели попросить вас к нам прийти, — отозвался один из них низким голосом.

И они улыбнулись, смущаясь. Я заметила, что у них одинаковые зубы. И вспомнила, кто это: они работали на вырубке леса. Я их видела в магазине, в деревне.

— Я только что вернулась оттуда, — пробурчала я.

Они сказали, что Полиция еще не приехала и что ждут Ксендза. Что Ночью засыпало дороги. Даже шоссе до Чехии и Вроцлава непроезжое, и трейлеры застряли в длинных пробках. Но вести расходятся по окрестностям быстро, и несколько знакомых Снежного человека пришло пешком. Мне почудилось, что эти капризы погоды поднимают у них настроение. Уж лучше мериться силой со снежной пургой, чем со смертью.

Я шла за ними по пушистому белому-пребелому снегу. Он был свеж, и от низкого зимнего Солнца покрылся румянцем. Мужчины прокладывали мне дорогу. Оба были в валенках, всунутых в высокие калоши из тонкой резины — здесь это единственная зимняя мужская мода. Широкими подошвами они протапывали мне маленький туннель.

Возле дома стояли другие мужчины, курили. Отводя глаза, нерешительно мне поклонились. Смерть их знакомого лишала каждого из этих людей уверенности в себе. У них было одинаковое выражение лица — показной серьезности и формальной торжественной грусти. Разговаривали между собой приглушенными голосами. Тот, кто выкурил сигарету, заходил в дом.

Все без исключения были с усами. Стояли угрюмо возле кушетки. Поминутно открывалась дверь, и приходили новенькие, принося с собой снег и металлический запах мороза. Многие из них когда-то работали в госхозе, теперь же находились на пособии по безработице, хотя время от времени были заняты на вырубке леса.

Некоторые ездили на заработки в Англию, но быстро возвращались, испугавшись тамошних обычаев. Другие упрямо вели свои маленькие, не приносящие доходов хозяйства, которые держались за счет доплат из Евросоюза. Одни мужчины. От их дыхания запотели стекла, в воздухе витал легкий запах сивухи, табака и влажной одежды. Они украдкой бросали взгляд на тело. Слышно было, как задвигают носом, но неизвестно, от мороза ли, а может, действительно, к глазам этих верзил подбиралась слеза, но не имея там выхода, стекала в нос. Ни Кшиштоня, ни кого-нибудь из знакомых не было.

— Начинайте, — шепнул мне тот, кого, как мне казалось, я откуда-то знаю.

Я не поняла.

— Начинайте петь.

— Что именно петь? — забеспокоилась я не на шутку. — Я не умею петь.

— Что-нибудь, — сказал он, — лучше всего «Вечный покой».

— Почему я? — спросила я нетерпеливым шепотом.

Тогда тот, что стоял ко мне ближе всех, ответил решительным тоном:

— Потому что вы женщина.

Ах, вот оно что. Значит, так сегодня проставлены ударения. Я не понимала, какое отношение к пению имеет мой пол, но сейчас мне не хотелось возражать против традиции. «Вечный покой». Я слышала эту песнь в раннем детстве на похоронах (будучи взрослой, я уже на похороны не ходила). Слов не помнила. Правда, достаточно было начать, как тут же хор низких голосов присоединился к моему мизерному голосочку, и возникло нерешительное фальшивое многоголосие, которое с каждым следующим куплетом приобретало уверенность в себе, а я быстро запоминала простые слова о Вечном Свете, который, как все мы верили, озарит и окутает всех нас и Снежного человека тоже.

Пели мы вот так с час, одно и то же, пока слова не перестали что-либо означать, будто были камешками в море, которые бесконечно переворачивает волна, и они становятся круглыми, похожими друг на друга, как две песчинки. Несомненно, это успокаивало, лежащее мертвое тело все больше теряло реальные черты, пока не стало поводом для встречи людей, тяжело работающих на открытом всем ветрам Плато. Мы пели о Свете, который, правда, существует где-то далеко, и мы его пока не видим, но увидим после смерти. Сейчас он представляется нашему взору, как сквозь стекло, как в кривом зеркале, но когда-нибудь мы встретимся с ним лицом к лицу. И он нас озарит и укутает, как мать, ведь мы же из него вышли. И носим в себе его частицу, каждый из нас, даже Снежный человек. Поэтому смерть должна нас радовать. Вот так я пела и размышляла, хотя в принципе, никогда не верила ни в какое персональное распределение Света. Этим не может заниматься никакой Бог, никакой небесный бухгалтер. Сущности, особенно всеведущей, было бы тяжело вынести столько страданий. Думаю, она бы распалась под натиском этих страданий, разве что заранее запаслась какими-нибудь защитными механизмами, как Человек. Только машина могла бы перенести всю боль этого мира. Только машина — простая, эффективная и справедливая. Но если бы все происходило механически, то наши молитвы никому не нужны.

Когда я вышла на улицу, оказалось, что усатые мужчины, вызвавшие ксендза, встречают его возле дома. Священник застрял в сугробах, и только сейчас его удалось привезти на тракторе. Ксендз Шелест (так я его мысленно назвала) отряхнул сутану и изящно спрыгнул с трактора. Ни на кого не глядя, быстрым шагом направился в дом. Прошел рядом со мной, и меня окутало облако одеколona и коптящего камина. Кшиштонь отлично все организовал. В своем рабочем тулупе, как распорядитель, он из большого китайского термоса наливал кофе в пластиковые стаканчики и раздавал скорбящим. Мы стояли перед домом и пили горячий, сладкий кофе.

Вскорости приехала Полиция. Точнее, не приехала, а пришла, потому как машину ей пришлось оставить на асфальтовой дороге — полицейская машина не имела зимних шин.

Пришло их трое — двое полицейских и один в гражданском, в длинном черном пальто. К тому времени, когда они, тяжело дыша, добрались до дома в ботинках с налипшим на них снегом, все уже вышли на улицу, проявив, по моему, вежливое и уважительное отношение к власти. Оба полицейских оказались людьми черствыми, формалистами, и было видно, что душат в себе злость на обильный снег, долгую дорогу и общие обстоятельства случившегося. Сбив снег с ботинок, они без слова исчезли в доме. Тем временем дядька в черном пальто ни с того, ни с сего подошел к Кшиштоню и ко мне.

— Здравствуйте, — обратился он ко мне, — привет, папа.

Он сказал: «Привет, папа» и сказал это Кшиштоню.

Вот уж бы никогда не подумала, что у Кшиштона сын может работать в полиции, к тому же, в таком забавном черном пальто.

Кшиштонь, растерявшись, довольно неуклюже представил нас друг другу, но я даже не запомнила официального имени Черного Пальто, потому что они сразу отошли в сторону, и я слышала, как сын забросал отца претензиями, обращаясь к нему на «вы»:

— О Господи, папа, почему вы прикасались к телу? Вы что, кино не смотрите? Каждый знает: что бы ни случилось, к телу нельзя прикасаться до тех пор, пока не приедет полиция.

Кшиштонь защищался слабо, будто его парализовал факт, что он разговаривает с сыном. Мне казалось, что будет наоборот, что разговор со своим ребенком прибавит сил.

— Сынок, он ужасно выглядел. Ты бы сам так поступил. Подавился чем-то, был скрюченный и грязный... Это ведь наш сосед, мы не хотели, чтоб он лежал на полу как... как..., — он подыскивал слова.

— ... Животное, — уточнила я, подходя к ним ближе. Я не могла стерпеть, что Черное Пальто так отчитывает отца. — Подавился костью Косули, которую он, браконьер, заманил в силки. Отмщение из-за гроба.

Черное Пальто мельком взглянул на меня и обратился к отцу:

— Папа, вас могут обвинить в том, что вы препятствовали следствию. И вас тоже, — это он уже мне.

— Шутишь, наверно. Вот это да! И имей тут сына прокурором.

Тот решил закончить этот позорный разговор.

— Хорошо, пап. Но потом вам обоим придется все рассказать Полиции. Не исключено, что ему сделают вскрытие.

Жестом, выражающим нежность, но в котором чувствовалось доминирование, он легонько похлопал Кшиштона по плечу, будто сказал: ладно, старичок, теперь я сам займусь всем этим.

Потом исчез в доме покойника, а я, не дожидаясь, чем дело кончится, пошла к себе домой, озябшая и охрипшая. С меня хватит.

Из окон своего дома я видела, как со стороны деревни к нам приближается снегоуборочная машина — Белоруска, как ее тут называют. В результате ближе к полудню к дому Снежного человека удалось подъехать катафалку — длинной, низкой, темной машине с окнами, завешанными черными занавесками. Но только подъехать. Когда часу в четвертом, когда уже начинало смеркаться, я вышла на террасу, вдалеке на дороге рассмотрела движущееся черное пятно — это усатые мужчины героически толкали катафалк с телом товарища в гору, на вечный покой в Вечном Свете.

1: Хроника (некоторых) текущих событий

- «Сегодня наше отечество становится влиятельным международным игроком, наши силы растут, и мы должны этим гордиться. Нынешней оппозиции и не снилось, что Польша может занимать в мире такие серьезные позиции. (...) Страна развивается, а усиление государства и рациональное управление им начинают приносить людям ощутимую выгоду. Растет экономика, снижается уровень безработицы. (...) Гражданам нашей страны присущи ум и зрелость. (...) Для современных элит, доминирующих в Европе, руководство Речи Посполитой крайне неудобно, поскольку хочет, чтобы Польша была сильной, защищает наши интересы, открыто заявляет о своей приверженности христианским ценностям, об укреплении польской экономики. (...) Я не сомневаюсь, что господин президент Трамп замечает и ценит потенциал Центральной Европы», — президент Польши Анджей Дуда. («Газета Польска», 28 июня — 4 июля)
- Фрагменты выступления президента Дональда Трампа на площади Красинских в Варшаве. «В польском народе видно душу Европы. Ваш народ велик, поскольку силен духом. (...) Вы ни разу не уронили своего достоинства. (...) Польша живет, Польша развивается, Польша побеждает. (...) Вы — гордый народ Коперника, Шопена и Иоанна Павла II. Польша — это страна героев. Ваш народ действительно знает, за что сражается. (...) Торжество польского духа на протяжении столетий дает нам всем надежду на будущее. (...) История Польши — это история народа, который никогда не терял надежды, никогда не позволял сломить себя и никогда не забывал, кто он. Вы — народ с тысячелетней историей. (...) Для меня великая честь видеть рядом с собой ветеранов и героев Варшавского восстания. (...) Никому не удавалось сокрушить отвагу и силу польского характера. (...) Вы никогда не теряли силу своего духа. (...) Польша всегда будет побеждать. (...) Польша — это благословение для народов Европы. (...) Мы приветствуем решение Польши о приобретении у США проверенных в бою комплексов противозенитной и противоракетной обороны “Патриот”. Лучших в мире». («Газета Польска», 12-18 июля)
- «Визит Дональда Трампа был очень важен для нас: он не случайно выбрал Варшаву и не случайно произнес именно эти, а не другие слова. (...) Сегодня мы живем в совершенно другой реальности. (...) И визит президента США доказывает это. (...) Совершенно не случайным и крайне важным был религиозный акцент выступления Дональда Трампа — отсылка к системе христианских ценностей на фоне происходящего в Европе четко указывает, что нужно делать. (...) Президент Трамп продемонстрировал блестящее знание польской истории, и это было очень важно. Его познаниям в истории нашей страны позавидовали бы и специалисты. (...) Мы были поражены красноречием американского президента, содержательностью его речи, его познаниями в истории и тем, как он прямо и открыто говорит о национальных ценностях и о Боге», — Ян Ольшевский, бывший премьер-министр. («Газета Польска», 12-18 июля)
- «Американский президент льстит полякам. Сегодня они его лучшие солдаты и последователи. (...) Дональд Трамп (...) мифологизирует поляков. (...) Он сказал полякам то, что они хотели услышать, а услышав, натешиться своим самодовольством, выразившимся в протяжных столах наслаждения, которыми собравшаяся толпа и ее ясновельможные представители награждали чуть ли не каждую фразу Трампа. (...) Мы застряли в собственных мифах, (...) а в это время в пятистах километрах от Варшавы проблемы и перспективы у людей уже совсем другие, и это они формируют облик нашего мира», — Томаш Ковальчук. («Жечпосполита», 12 июля)
- «Успех Польши зависит от ее позиций в Евросоюзе. Пока что ее статус в ЕС выглядит хуже некуда. И как тут не вспомнить, что последние восемь лет ситуация была совсем иная. Польша заинтересована в сильном Евросоюзе, а польское правительство делает всё, чтобы ослабить ЕС. (...) В интересах США договариваться с Россией. (...) Это реальные интересы Америки, и было бы глупо думать, что американский президент откажется от них, преисполнившись благодарности за Костюшко и Пулаского, впечатлившись героизмом варшавских повстанцев или очаровавшись председателем Качинским либо его президентом Анджеем Дудой», — Ян Видацкий. («Пшеглэнд», 10-16 июля)
- «Несколько тысяч человек, собравшихся на площади Красинских, слышали, кроме прочего, и слова о роли Леха Валенсы. “Мы счастливы, что сегодня к нам присоединился Лех Валенса, прославленный лидер “Солидарности”», — заявил президент США, на что толпа отреагировала свистом. “Как раз здесь свистки в адрес Валенсы были неуместны”, — прокомментировал пресс-секретарь президента Анджея Дуды». (Михал Коланко, «Жечпосполита», 7 июля)
- «На площадь Красинских в Варшаве людей свезли на автобусах со всей Польши, вручили им фанерные транспаранты с готовыми надписями и флаги. (...) Оранжеволикий субъект наслаждался невиданным ранее зрелищем — толпа, которую организованно, как при коммунизме, доставили на автобусах, с энтузиазмом скандирует ему, словно Иоанну Павлу II: “Останься у нас!”. И тут же кричит “Предатель!” при виде героя Леха Валенсы. Того самого Валенсы, которого тысячи тех же самых поляков приветствовали на стадионах в 1981 году, скандируя: “Л-е-е-ех! Л-е-е-ех!”», — Збигнев Холдыс. («Ньюсуик Польска», 10-16 июля)
- «В саммите Трехморья (союза стран ЕС, граничащих с Адриатическим, Балтийским и Черными морями — В.К.) приняли участие представители 12 стран Центральной и Восточной Европы. Почетным гостем саммита

был Дональд Трамп». («До жечи», 10-16 июля)

- «Инициатива Трехморья отстроит весь регион, гарантировав, что ваша инфраструктура, так же как наши обязательства в области безопасности, прав и свобод, соединит вас с Европой и всем западным миром», — заявил Трамп, обращаясь к участникам саммита. (Зузанна Домбровская, «Жечпосполита», 7 июля)

- «В пятницу в Варшаве в присутствии президента Польши Анджея Дуды и президента Хорватии Колинды Грабар-Китарович был подписан пакет двусторонних договоренностей, направленных на реализацию концепции Трехморья». («Газета Польска цодзенне», 8-9 июля)

- «Критика Польши со стороны Евросоюза усиливается. Макрон обвиняет поляков в измене, а также в том, что они относятся к ЕС как к супермаркету. Меркель в принципе поддерживает его. Италия требует ограничить европейские дотации тем странам, которые не хотят принимать беженцев. Европейская комиссия проводит процедуры, связанные с этой проблемой, также продолжается процедура относительно нарушений законности в Польше. (...) Даже Чехия, которая до сих пор поддерживала очень близкие контакты с Польшей, теперь дистанцируется от нас». (Бартош Т. Велинский, «Газета wyborcza», 1-2 июля)

- «Европейская комиссия подтвердила во вторник, что она начинает официальную процедуру в связи с нарушением законодательства ЕС. Эти нарушения выражаются в невыполнении директив Евросоюза, датируемых сентябрем 2015 года, относительно релокации 160 тыс. беженцев, находящихся во временных лагерях в Греции и Италии. В соответствии с директивами на долю Польши приходится 6 тыс. 182 человека». (Из Брюсселя Анна Слоевская, «Жечпосполита», 14-15 июня)

- «По данным опроса, проведенного Институтом рыночных и социологических исследований, 60,4% респондентов не хотели бы, чтобы Польша принимала беженцев в рамках системы релокации ЕС, а 36,6% опрошенных согласны с этим». (Зузанна Домбровская, «Жечпосполита», 16 июня)

- «На вопрос “Должна ли Польша отказаться принимать беженцев, даже если за это ей будут грозить финансовые санкции?” 53% опрошенных ответили “да”, 34% — “нет”, а 13% — “не знаю”. Опрос агентства “SW Research”». («Ньюсуик Польска», 26 июня — 2 июля)

- «Еще два года назад 70% поляков с одобрением относились к идее принять в нашей стране беженцев. Сегодня же (...) расклад мнений изменился с точностью до наоборот. (...) Государственное телевидение убедило поляков, что террористы и беженцы — это одно и то же. И эта волшебная формула надежно защищает правительство ПИС. (...) 51% наших сограждан согласны на выход из ЕС, если нахождение в его составе будет обязывать нас проявить европейскую солидарность и принять символическое количество беженцев. (...) Напомню, что Польша приняла 90 тыс. беженцев-мусульман из Чечни без всякого шума, без страха, практически без разговоров», — Якуб Бежинский. («Политика», 5-11 июля)

- «На вопрос “Согласны ли вы с позицией католической Церкви, предлагающей помогать беженцам через так наз. гуманитарные коридоры?” более 60% опрошенных ответили “нет”, 33% — “да”, а 6% не определились с ответом. Опрос Института рыночных и социологических исследований от 23-24 июня. («Жечпосполита», 28 июня)

- «Кризис, связанный с беженцами, продемонстрировал всю фальшивость наших представлений о самих себе. Вопреки тому, как и где мы жили все эти годы, мы так и не стали толерантными, гостеприимными, смелыми. Нас даже нельзя назвать католиками — ведь для католика последней инстанцией в вопросах этики и морали выступают епископы и сам Папа. Заявления поляков говорят об одном — мы один из самых нетолерантных, негостеприимных, трусливых и нехристианских народов Европы», — Марек Мигальский, бывший депутат Европарламента. («Жечпосполита», 12 июля)

- «Поляки, наверное, меньше всех в Европе имеют право критиковать тех, кто ищет для своей семьи лучшие экономические условия. Мы — 52-миллионный народ, населяющий 32-миллионную страну. Больше всего поляков живет в Варшаве, однако ее уже догоняет Лондон. (...) Мы, государство поляков, так до сих пор и не выработали какой-либо иммиграционной политики, стратегии. Нет у нас и модели интеграции, позволяющей беженцам влиться в общество», — о. Мечислав Пушевич. («Политика», 12-18 июля)

- «И правительство, и президент считают, что для победы на выборах в 2019 и 2020 годах нужно культивировать в поляках страх перед иммигрантами. (...) 40 тысяч поляков ежегодно умирают от смога (...), 3500 погибают в автокатастрофах, 500 гибнут от рук других поляков, 200 женщин в день (sic!) в нашей стране становятся жертвами изнасилования, а поляки при этом больше всего боятся, что их убьет исламский террорист. Это показывает уровень нашего безумия. (...) А речь на самом деле идет о том, чтобы гарантировать Качинскому и Дуде дальнейшее сохранение власти». (Марек Мигальский, бывший депутат Европарламента. («Жечпосполита», 14-15 июля)

- «Напугать людей довольно легко. Если в вашем распоряжении имеются масс-медиа, особенно телевидение, любое общество можно превратить в истерящую перепуганную толпу. Толпу, которая разучилась думать и позволяет собой манипулировать. Это совершенно отвратительная политическая стратегия. Она очень выгодна для манипуляторов, одновременно представляя смертельную опасность для демократии. Она заставляет людей делать подлости, отказываться от основных моральных и гуманистических ценностей. Поляки, враждебно и агрессивно относящиеся к жертвам войны и насилия — это не народ, а жалкая карикатура, не стесняющаяся апеллировать к памяти о героях предыдущих поколений. Эта политическая стратегия наносит самый большой

- вред моральному состоянию нашего общества. Польша становится страной этически нечистоплотной и антихристианской», — Влодзимеж Цимошевич, бывший премьер-министр, министр юстиции и министр иностранных дел. («Польска», 19 июня)
- «Конгресс ПИС. (...) В нем участвовал 961 представитель партийных структур и много гостей. (...) Выступление Ярослава Качинского продолжалось 71 минуту. (...) Одних членов правительства председатель правящей партии похвалил, (...) о других отозвался негативно, (...) а о некоторых министрах не обмолвился ни словом. (...) “Хочу подчеркнуть, что мы не эксплуатировали тех стран, откуда к нам сегодня приезжают беженцы. Мы не пользовались их трудом, не приглашали их в Европу. Так что у нас есть полное моральное право сказать «НЕТ»”, — заявил Качинский». (Яцек Лизиневич, «Газета Польска цодзенне», 3 июля)
 - «Делегация в составе 21 ученика школы имени Теодора Хойса в Берлине приехала на прошлой неделе в Польшу. Среди школьников были родившиеся в Германии дети иммигрантов из Турции, Ливана и Палестины. Проект, в котором участвовали школьники, должен был помочь понять, откуда взялись нацизм и фашизм, почему случился Холокост. (...) У 18-летней Далмы на голове был платок. На Литевской площади, в самом центре Люблина, к Далме подошел мужчина средних лет и молча плюнул ей в лицо. (...) Полицейские только рассмеялись. (...) “Мы приехали, чтобы понять, как зарождается фашизм. И узнали это на собственном опыте”, — говорит Магдалена Загурски, полька, родившаяся в Берлине, переводчица группы. (...) В Лодзи подростки, носящие хиджаб, несколько раз подвергались оскорблениям на улицах. (...) В Варшаве в гостинице одну из учениц осыпали ругательствами. (...) Мужчина в Старом городе отказался продавать им воду. “Расизм знаком нам по Берлину, однако он ни в какое сравнение не идет с тем, что мы увидели здесь”, — написали дети». (Кацпер Суловский, «Газета wyborcza», 27 июня)
 - «21 июня в Люблине поляк плюнул в лицо школьнице из Берлина, у которой на голове был мусульманский платок. (...) 26 июня в Ченстохове, на проспекте Пресвятой Девы Марии, 38-летний поляк попытался избить индуса. Неделями раньше в Гданьске водитель “скорой помощи” угрожал переехать мексиканца, называя его гориллой и пожирателем бананов. (...) 25 июня в Сопоте мужчина не впустил в костел женщину с чернокожим ребенком. 9 июня в Варшаве водитель автобуса выгнал из салона чернокожего мужчину из Того. (...) Представитель правительства по вопросам равноправия Адам Липинский молчит. Власти заявляют, что не пустят сюда ни одного “так называемого беженца”». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 1-2 июля)
 - «8 июня Европейский суд по правам человека в ходе рассмотрения дела одного из чеченцев, ходатайствующего в Польше о признании статуса беженца, применил процедуру *interim measure* — распоряжения о временном приостановлении депортации иностранца, если его возвращение в родную страну представляет угрозу для его жизни либо может обернуться бесчеловечным отношением. (...) Несмотря на то, что этот беженец находился в польском Тересполе, он был выслан в Беларусь. На следующий день, с копией решения ЕСПЧ в руках, он предпринял очередную попытку пересечь границу. Но пограничная служба вновь его непустила. “Польша открыто нарушила закон”, — говорит Яцек Бялас из Хельсинкского фонда прав человека». (Людмила Ананникова, «Газета wyborcza», 12 июня)
 - «Польше не удалось блокировать выгодных для Украины торговых льгот со стороны ЕС, несмотря на все попытки нашего правительства и польских депутатов Европарламента. (...) Евросоюз, тем не менее, решил предоставить Украине дополнительные беспощадные квоты на пшеницу, ячмень, кукурузу, мед и томатную пасту». (Из Брюсселя Анна Слосевская, «Жечпосполита», 16 июня)
 - «Любой житель Польши, не одурманенный национально-католической пропагандой ненависти, прекрасно отдаст себе отчет в том, что Украина для нас — это своего рода буфер. Сейчас ее атакует путинская Россия, там погибло уже свыше 10 тысяч украинцев. И даже тот, кто не способен проявить солидарность с жертвами войны и мыслит только узконациональными эгоистическими категориями, должен понять, насколько важно для Польши, чтобы Украина стала сильнее. (...) Все польские политические партии, представленные сегодня в Европарламенте, проголосовали за ограничение доступа Украины к рынку ЕС. А ведь такой доступ — это один из важнейших элементов помощи Украине. Польские политики продемонстрировали мелочный эгоизм, являющийся противоположностью рационального понимания собственных интересов», — Лешек Бальцерович. («Дзенник газета правна», 23-25 июня)
 - «С этого воскресенья украинцы смогут въезжать на территорию Евросоюза без виз. (...) С начала 2017 года польские органы власти зарегистрировали более 730 тыс. заявлений от фирм, принимающих на работу украинцев. Тем временем статистика говорит, что на территории Польши пребывает 1,4 млн украинских граждан. Можно с уверенностью предположить, что остальные 670 тыс. (...) работают нелегально». (Анджей Талага, «Жечпосполита», 14-15 июня)
 - «2016 год был в этом смысле рекордным — зафиксировано более 1,5 тыс. записей о сделках по приобретению недвижимости, не требующих разрешения, совершенных в Польше гражданами Украины. Более тысячи приобретенных объектов — это обособленные жилые помещения. (...) Граждане Украины и фирмы с участием украинского капитала возглавляют перечень иностранцев, купивших в прошлом году землю (109 разрешений на приобретение площади менее 20 гектаров), а также сельскохозяйственные и земельные участки (15 разрешений применительно к 12,47 гектаров недвижимости)». («Жечпосполита», 20 июня)
 - «За все время, пока действует новый закон об охране природы, вступивший в силу 1 января 2017 года, страна

могла потерять 3 млн деревьев. (...) Массово вырубались деревья на дачных участках, где раньше чиновники не позволяли осуществлять вырубку. Рубили деревья и в негосударственных лесх. (...) Это происходило со скоростью автомата, так как владельцы недвижимости боялись, что закон быстро изменится. (...) Может показаться, что в масштабах всей экономики три миллиона деревьев — это совсем немного. Однако деревья, растущие в городах, играют совсем другую роль и представляют другую ценность для человека. По данным американских специалистов, такое дерево ценнее дерева, растущего в лесу, в сотни, а то и в тысячи раз. (...) Исправить уже ничего нельзя, вырубленных деревьев не вернуть. Вырубались крупные экземпляры, насчитывающие 60-80 лет (и старше — В.К.). Разумеется, можно пересадить в города деревья из питомников, однако одно такое дерево обойдется в 10-20 тыс. евро», — Збигнев Карчун, доктор наук. («Газета wyborcza», 24-25 июня)

• «В Беловежской пуще в коммерческих целях вырубаются деревья, в которых уже нет никакого жука-короеда и которые по закону должны быть сохранены. Тяжелая техника уничтожает пущу в период гнездования птиц. (...) Проводится хозяйственная посадка растений, превращающая лесное пространство в обычную плантацию. (...) Поэтому мы осуществляем мирную блокаду тяжелой техники», — Катажина Ягелло, эксперт “Гринпис” в области экологического сельского хозяйства. («Жечпосполита», 22 июня)

• «Варшавская манифестация в защиту Беловежской пущи собрала около пяти тысяч человек. (...) Организаторы позаботились, чтобы марш прошел без эксцессов». (Сильвия Хутник, Гражина Плебанек, «Политика», 5-11 июля)

• «Комитет всемирного наследия ЮНЕСКО призвал польские власти немедленно прекратить вырубку деревьев в самой старой части Беловежской пущи и допустить экспертов». («Жечпосполита», 6 июля)

• «На вопрос, остановит ли министерство окружающей среды вырубку в Беловежской пуще после принятого в среду решения комитета ЮНЕСКО, премьер-министр Беата Шидло ответила: “Нет такого решения ЮНЕСКО”. (...) Слова премьер-министра вызвали возмущение экологов. (...) “Государственные леса” после решения ЮНЕСКО так и не скорректировали своих планов относительно вырубки. (...) В самой пуще экологи проводят мирную блокаду тяжелой техники по вырубке деревьев». (Александр Гургуль, «Газета wyborcza», 8-9 июля)

• «Вчера Европейская комиссия сообщила в пресс-релизе о передаче дела в Европейский суд. “В связи с тем, что вырубка деревьев приобрела значительный масштаб, Европейская комиссия обращается в Европейский суд с целью обязать польскую сторону немедленно приостановить вырубку”, — говорится в пресс-релизе. Как подчеркивают члены комиссии, имеются доказательства, указывающие, что вырубка деревьев не преследует целей охраны пущи и выходит за рамки допустимых действий по обеспечению равномерного использования леса». (Александр Гургуль, «Газета wyborcza», 14 июля)

• «Дискуссия, развернувшаяся вокруг Беловежской пущи, на самом деле отражает давний идеологический спор. (...) Тон в нем задают западные левацкие круги. (...) Не стоит также забывать о культурных различиях, обусловленных религией. Протестантизм несколько иначе подходит к вопросам природы, нежели католицизм, сформировавший ментальность поляков. (...) Некоторые деревья в определенном возрасте начинают портить пейзаж, а также вызывают различные конфликты между соседями», — проф. Ян Шишко, министр окружающей среды. («До жечи», 3-9 июля)

• «Министерство окружающей среды предложило внести в законодательство изменения, которые “в особых случаях” позволяли бы пренебречь охраной отдельных видов и ареалов обитания, находящихся под защитой европейской сети охраны окружающей среды “Природа 2000”. Против этих планов выступила Польская академия наук». (Александр Гургуль, «Газета wyborcza», 6 июля)

• «“Мы требуем немедленно прекратить вырубку деревьев в Беловежской пуще”, — с таким совместным призывом выступили ректоры Ягеллонского (проф. Войцех Новак) и Варшавского (проф. Мартин Палыс) университетов, ректор Варшавской политехники (проф. Ян Шмидт), а также президент Польской академии наук (проф. Ежи Душинский)». («Газета wyborcza», 11 июля)

• 14 деканов и 20 проректоров естественных факультетов польских университетов обратились с открытым письмом к президенту Анджею Дуде, премьер-министру Беате Шидло и министру Яну Шишко. «Авторы письма выступают “против продолжающегося и планируемого грубого вмешательства в ценнейшие экосистемы нашей страны, особенно в экосистемы Беловежской пущи и больших польских рек”. (...) “Мы считаем, что нынешняя экономическая политика, в том числе принимаемые министерством окружающей среды нормативно-правовые акты, посредством невосполнимого уничтожения природных богатств разоряет страну и общество, а также угрожает явлениями катастрофического характера”, — говорится в письме». (Александр Гургуль, «Газета wyborcza», 28 июня)

• «Если мы говорим, что виновные в нарушении конституции должны предстать перед Государственным трибуналом, то не будем тогда забывать и об ответственности за преступления перед окружающей средой. Пусть ответят, чтобы уже никогда и никому в Польше не пришлось в голову пойти по стопам министра Шишко и его приспешников», — Адам Вайрак. («Газета wyborcza», 24-25 июня)

• «Организация “Amnesty International” обеспокоена применением уголовного и административного права в отношении протестующих». «“Amnesty International” призывает власти обеспечить гражданам возможность участвовать в демонстрациях, являющихся формой выражения своих взглядов», — говорится в заявлении

- организации относительно протестов 10 июня в Варшаве. («Газета wyborcza», 4 июля)
- «В комиссариате полиции Длуголенки в окрестностях Вроцлава вчера был допрошен Владислав Фрасынюк. Оппозиционер времен ПНР участвовал 10 июня в варшавской контрманифестации во время памятных мероприятий, посвященных Смоленской катастрофе. (...) От дачи показаний Фрасынюк отказался». («Газета wyborcza», 5 июля)
 - «Сегодня мы публикуем расшифровку записей, неопровержимо доказывающих, что полиция (...) следит за активистами ассоциации “Граждане РП” и лидером партии “Современная” Рышардом Петру», — Ярослав Курский, главный редактор. («Газета wyborcza», 27 июля)
 - «ПИС взяла под свой контроль центры сельскохозяйственных консультаций, региональные расчетные палаты и фонды охраны окружающей среды в воеводствах. (...) Местное самоуправление постепенно теряет власть». («Газета wyborcza», 4 июля)
 - «Согласно результатам опроса, проведенного агентством “Kantar Public”, 45% респондентов считают, что ситуация в нашей стране меняется к худшему. Противоположного мнения придерживаются 35% опрошенных, 20% не смогли определиться с ответом». («Жечпосполита», 27 июля)
 - «Качинский стремится к полноценной диктатуре, напоминая этим большевиков. Иногда даже кажется, что он хитрее их. (...) Ничто его не остановит. Ни возможный крах экономики, ни Европейский союз. (...) За спиной Качинского — одна треть или даже одна четвертая часть общества, которая его обожает. (...) Среди представителей предыдущей власти у нас были свои неявные сторонники, которые только ждали, чтобы нам помочь. Не было этой одуревшей орды фанатов. Зато у Качинского есть целая армия оболваненных сторонников», — Яцек Федорович. («Газета wyborcza», 15-16 июля)
 - «По данным агентства “SW Research”, 48% поляков считают, что нам грозит диктатура. 31,7% придерживаются противоположного мнения, а 19,6% не определились с ответом». («Ньюсуик Польша», 24-30 июля)
 - «Я вижу, как люди старшего и среднего поколения, которые думали, что большевизм остался в прошлом, (...) снова чувствуют его присутствие. Вернулся страх. Страх как инструмент деморализации. Люди, если им позволить, охотно упиваются чужим страхом. (...) Мир насилия и жестокости, (...) а также черно-белое видение действительности приводят к исчезновению, а то и вовсе к исключению из политической жизни представителей интеллигенции. (...) Антиэлитарность побеждает, что доставляет явное удовольствие избирателям Качинского. ПИС уничтожает значительно больше, чем нам кажется. Уничтожает саму ткань нашего общества. (...) Именно для этого они реорганизуют гимназии, ликвидируют высшие школы в небольших городах, закупают музей Второй мировой войны и общественными масс-медиа. Происходит сознательное понижение интеллектуального уровня общества, и исправить это можно будет очень не скоро», — проф. Ядвига Станишкис. («Ньюсуик Польша», 10-16 июля)
 - «Меня шокирует то, насколько все это похоже на первые шаги нацизма в Германии в 30-е годы XX века. А больше всего меня удивляет, что очень многие поляки по-прежнему считают Польшу каким-то изолированным островом. Поляки, проснитесь! (...) Он не виноват в сложившейся ситуации. Для меня он — маленький, больной, потерянный эгоист с необыкновенным талантом к столкновению людей лбами и разрушению. К сожалению, именно такой лидер нужен его сторонникам. Эти 30% наших граждан вызывают у меня глубокую печаль и ужас. Они не знают, что выбрали фашизм. В Германии в начале 30-х тоже были “только 30%”. Начало фашизма было очень подкупающим, фашизм не только делился с обывателями добром неудобных соседей, но и давал наивным людям надежду на “вставание с колен”», — Веслав Сментек, художник-график, живущий в Берлине. («Ангора», 9 июля)
 - «За несколько недель до смерти Анджея Вайды с грустью спрашивал меня: “Почему я должен смотреть на это еще раз? Я помню сталинизм, помню всю мерзость марта 1968-го, а теперь опять...”. И добавил: “Читай письма Томаса Манна”. И сейчас, в разгар “перемен к лучшему”, которые устроил нам режим Качинского, Зёбро и Мацеревица, во мне постоянно звучит вопрос Вайды», — Адам Михник. («Газета wyborcza», 15-16 июля)
 - «Если бы не отец Рыдзык, их всех давно бы уже не было. Рыдзык — это самый опасный и самый сильный участник этой коалиции. Это он их поддерживает и подначивает. Когда меня спрашивают, с кем бы я разобрался в первую очередь, я всегда отвечаю: с Рыдзыком! (...) Так уж сложилось, что при ПНР я получил Нобелевку, чтобы при III Речи Посполитой оплакивать демократию. Вот так история!», — Лех Валенса. («Газета wyborcza», 8-9 июля)
 - «В воскресенье на Ясной Гуре уже в 26-й раз состоялось Паломничество семьи радио “Мария”. Среди паломников было много политиков, в частности, вице-маршал Сейма Йоахим Брудзинский, руководитель Канцелярии премьер-министра Беата Кемпа и министры Збигнев Зёбро, Антоний Мацеревич, Мариуш Блащак, Кшиштоф Юргель, Ян Шишко, Марек Грубарчик». («Жечпосполита», 10 июля)
 - «В 2016 году правительство выделило Фонду католической Церкви 145,3 млн злотых. (...) Это рекордная сумма, поскольку до 2012 года финансирование церковного фонда не превышало 100 млн злотых в год. Позднее фонд начал быстро увеличиваться — в 2013 г. государство выделило на эти цели 118,2 млн злотых, а в следующие годы 133,1 млн злотых и 128,1 млн злотых». (Виктор Ферфецкий, «Жечпосполита», 12 июля)
 - «Более 30 тыс человек приняло участие в большой молитве, проведенной отцом Джоном Башоборой, харизматичным чудотворцем из Уганды. (...) Национальный стадион буквально задрожал, когда отец Джон

вознес верующих к небесам. “Он сказал им встать, воздеть руки к Богу и подпрыгивать”, — рассказала участница реколлекций. (...) Во время богослужения Башобора многих излечил от болезней. Он пообещал, что у 29 человек улучшится зрение, 89 пар смогут зачать ребенка, 600 человек избавятся от наркотической зависимости, а 2000 бросят курить». («Супер экспресс», 3 июля)

- «Мы просим наших епископов как можно скорее занять решительную позицию относительно попыток смены общественного строя. Позицию, которая была бы результатом христианского понимания прав человека и его неотъемлемых свобод», — призывает Клуб католической интеллигенции. («Тыгодник повсехный», 30 июля)

- «Судьи, избранные правящей партией, ускорившиеся по заказу политиков темпы судопроизводства, закрытые заседания без допуска сторон, незаконный состав суда, выносящего решения... Вот образ польского Конституционного трибунала на второй год правления ПИС», — Войцех Чухновский. («Газета wyborcza», 21 июня)

- «Разваливая Конституционный трибунал, он прекрасно отдавал себе отчет, что отключает самый важный тормоз. С этого момента пути назад уже нет, отступление невозможно. Весь государственный аппарат подчинен одной структуре, вот чего они добились. (...) Качинский предупреждал, что стремится именно к этому. Он говорил об этом в интервью, писал в книге. Только никто почему-то ему не верил», — Ежи Стемпень, бывший председатель Конституционного трибунала. («Газета wyborcza», 14 июля)

- «Меняющие конституцию проекты законов о судах общей юрисдикции, о Национальном совете правосудия и Верховном суде лишают судебную систему Речи Посполитой независимости от органов политической власти. (...) Мы призываем депутатов, сенаторов и господина президента не допустить принятия законов, которые могут надолго лишить Польшу статуса демократического правового государства», — Анджей Жеплинский, Марек Сафьян, Ежи Стемпень, Богдан Здзенницкий, Анджей Золль, бывшие председатели Конституционного трибунала. («Газета wyborcza», 14 июля)

- «Не нужно быть экспертом, чтобы предвидеть, что произойдет, если Верховный суд перестанет быть независимым. Этот орган играет ключевую роль в ходе выборов, поскольку именно он утверждает их легитимность, их соответствие закону и конституции», — проф. Марек Сафьян, судья Европейского суда в Люксембурге. («Ньюсуик Польска», 17-23 июля)

- «Немедленно, практически без подготовки, организована акция протеста перед Сеймом. (...) По данным полиции, в ней участвовали 4,5 тыс. человек (мэрия сообщила, что в акции приняло участие более 10 тыс. манифестантов — В.К.) (добавим сюда несколько тысяч, вышедших на главную рыночную площадь в Кракове)». (Михал Коланко, «Жечпосполита», 17 июля)

- «С заявлением “относительно действий, подрывающих независимость судебной власти Республики Польша” выступил Клуб католической интеллигенции в Варшаве. Члены клуба, говорится в заявлении, “с нарастающей тревогой наблюдают за последовательным разрушением некоторых государственных институтов, в особенности за уничтожением независимого правосудия”. (...) “Фундаментальные изменения, непосредственно затрагивающие основы государственного строя, проводятся в бешеном темпе, в рамках депутатских проектов, без предварительных консультаций, вопреки мнению подавляющего большинства экспертов, грубо нарушая практику, принятую в демократических странах”. (...) Варшавский клуб католической интеллигенции призывает президента Анджея Дуду наложить вето на законопроекты о Национальном совете правосудия и судах общей юрисдикции». (Павел Косьминский, «Газета wyborcza», 20 июля)

- «По данным организаторов, перед президентским дворцом в девять вечера было 17 тыс. человек. К одиннадцати вечера к Сейму вернулась 10-тысячная толпа манифестантов, выступающих в защиту независимости судов». («Газета wyborcza», 19 июля)

- «“Сегодня я направил маршалу Сейма (...) проект изменений в закон о Национальном совете правосудия, где четко говорится, что членов совета нового созыва Сейм будет выбирать большинством в три пятых голосов”, — заявил президент Анджей Дуда. Он добавил, что если проект не будет принят, наложит вето на закон о Верховном суде. (...) Что означает избрание большинством в три пятых голосов? Влиять на кадровый состав судов, в том числе Верховного суда, ПИС сможет только при условии, если правящей партии удастся заручиться голосами 276 депутатов (фракция ПИС насчитывает 234 депутата — В.К.)». (Виктор Ферфецкий, «Жечпосполита», 19 июля)

- Депутат Борис Будка («Гражданская платформа») «обратился к председателю ПИС: “Пока был жив светлой памяти Лех Качинский, вы не отваживались поднять руку на правосудие, поскольку президентом, к счастью, был человек, понимавший, что такое разделение властей”. (...) Ярослав Качинский вышел на трибуну (игнорируя процедуру и замечания ведущего заседание маршала Сейма — В.К.) и обратился к оппозиции: “Не смейте вытирать свои предательские морды фамилией моего светлой памяти брата. Вы его травили и вы его убили, мерзавцы!”, — в ярости воскликнул он. Через минуту он закричал “Вон!” на депутата Камилу Гасюк-Пихович, которая ждала своей очереди, чтобы представить позицию фракции “Современная” относительно обсуждаемого законопроекта. (...) К Качинскому подошел депутат “Современной” Витольд Зембачинский, которого поздравил председатель ПИС. (...) “Я подошел и спросил: “Господин председатель, что вы вытворяете?”. А он только повторял: “Они все будут сидеть в тюрьме, будут сидеть”. Я спросил: “Кто? Я тоже? Разве я виноват в вашем несчастье?”. А он вновь за свое: “Все будут сидеть!”», — рассказывал депутат “Современной”». (Наталия Савка,

- «Газета wyborcza», 20 июля)
- «В Сейме на трибуне Качинский не притворялся. Его крики были искренними. А потом он говорил о депутатах от оппозиции, что “они все будут сидеть”. Вот о чем в действительности думает человек, который фактически правит Польшей. (...) Можно только догадываться, что происходит в голове Ярослава Качинского, но я не могу об этом говорить, поскольку я не психиатр и не психотерапевт. (...) Мы не имеем права ставить диагнозы человеку, который нас об этом не просит, равно как и интерпретировать его поведение», — проф. Богдан де Барбаро, руководитель кафедры психиатрии “Collegium Medicum” Ягеллонского университета. («Тыгодник повшехный», 30 июля)
 - «Ярослав Качинский станет самым влиятельным политиком в Польше после 1989 года. Ни одному лидеру ни одной партии со времен падения коммунизма не удавалось получить своего собственного большинства в парламенте, самостоятельно сформировать правительство, подчинить себе все спецслужбы и общественные СМИ, ликвидировать находящуюся вне политики гражданскую службу, взять под контроль Конституционный трибунал, суды общей юрисдикции, Национальный совет правосудия и Верховный суд. Председатель ПИС будет располагать невиданной для демократической системы властью. (...) На днях он продемонстрировал нам свои истинные намерения», — Михал Шулджинский. («Жечпосполита», 21 июля)
 - «В четверг Сейм принял новый закон о Верховном суде. (...) Нынешние судьи уйдут в отставку, за исключением тех, кого оставит президент. (...) Однако их список будет составлять министр юстиции. (...) Дополнительный набор судей (...) министр юстиции может осуществить после переаттестации нынешних судей Верховного суда. Он сможет представить Национальному совету правосудия по одному кандидату на каждую вакансию. (...) Позитивная резолюция Национального совета правосудия будет представлена президенту. (...) Регламент Верховного суда до недавних пор принимали судьи ВС. Теперь это будет делать президент, причем по заявлению министра юстиции. (...) Новый закон о Национальном совете правосудия содержит поправку, без которой президент не стал бы его подписывать. (...) Судей-членов Национального совета правосудия II-го созыва Сейм должен будет избрать большинством в три пятых голосов». (Марек Домагальский, «Жечпосполита», 21 июля)
 - «После того, как вице-премьер Ярослав Говин проголосовал за проект закона, распускающего Верховный суд, редакция журнала “Знак” приняла решение исключить его из состава редколлегии, несмотря на то, что по традиции в нее входит каждый бывший главный редактор (Говин был им в 1995-2005 гг.). “Знак” был основан в 1946 г. католическими интеллектуалами». («Газета wyborcza», 22-23 июля)
 - «К многочисленным голосам, призвавшим президента наложить вето на закон, меняющий систему правосудия, присоединился уполномоченный по правам человека Адам Боднар. (...) Оба закона он считает неконституционными, поскольку “они приведут к кадровым перестановкам и создадут механизм политического контроля над судами”». («Супер экспресс», 21 июля)
 - «Хельсинкский фонд по правам человека опубликовал письмо с призывом к президенту Дуде использовать право вето. Письмо подписали 52 неправительственные организации». («Супер экспресс», 24 июля)
 - Государственный департамент США опубликовал вчера заявление: «Польское правительство по-прежнему стремится установить законы, которые ограничат независимость правосудия и ослабят правовое государство в Польше. Мы призываем все стороны конфликта гарантировать, что реформа судебной системы, какой бы она ни была, не нарушит польской конституции и международных юридических обязательств, а также будет уважать принципы независимости судов и разделения властей». («Польска», 24 июля)
 - «В первую очередь я рассчитываю на президента Анджея Дуду. Это очень хороший юрист, учившийся в прекрасном университете. Мне кажется, он не хотел бы войти в историю как президент, приложивший руку к ликвидации независимого правосудия в Польше», — проф. Адам Стжембош, бывший председатель Верховного суда. («Газета wyborcza», 18 июля)
 - «Тысячи людей вышли в четверг на улицы, выступая против принятых в спешке законов, реформирующих систему правосудия. По данным варшавской мэрии, в столице в акции протеста приняли участие 50 тыс. человек, по данным полиции их было всего 14 тысяч. (...) Министр внутренних дел Мариуш Блашак заявил, что протестующие — это... просто прогуливающиеся прохожие. (...) Манифестации прошли также в Познани, Белостоке, Кракове, Жешуве. (...) Ярослав Зелинский, вице-министр внутренних дел, увидел среди протестующих... коммунистов и агентов спецслужб. (...) “Прочь, подлецы!”», — написал вице-министр в своем твиттере». («Факт», 22-23 июля)
 - «Фейсбук, твиттер, снэпчат и инстаграмм — на этом поле ПИС, по мнению социологов, проиграла. Именно благодаря социальным сетям молодые люди узнали об угрозе Верховному суду, именно там получили поддержку знаменитостей и в том же интернете прочитали записи политиков правящей партии, которые лишь укрепили их в уверенности, что пора выходить с протестом на улицы». («Жечпосполита», 29-30 июля)
 - «Президент Республики Польша не подпишет двух законов — о Верховном суде и о Национальном совете правосудия, зато уже подписал закон о судах общей юрисдикции». (1-я программа Польского радио, 24 июля)
 - «Я хочу четко и ясно заявить: у нас не принято, чтобы генеральный прокурор каким-либо образом вмешивался в деятельность Верховного суда как института. Не говоря уже о вмешательстве в работу судей. Я согласен с теми, кто говорит, что этого быть не должно и что нельзя допускать подобных вещей», — президент Анджей Дуда. («Супер экспресс», 25 июля)

- «Зофья Ромашевская сказала мне, что не хочет снова оказаться в стране, где генеральный прокурор может всё», — фрагмент заявления президента Анджея Дуды. («Жечпосполита», 25 июля)
- «С самого начала не было и речи о каких-либо консультациях. Законопроект в какой-то момент был вывешен в интернете, и президент, как любой из нас, мог его прочитать. Я считаю, что это безобразие. (...) Мне кажется, правительству неплохо было бы знать, что вообще-то существует такой орган власти, как президент Республики Польша, и с ним нужно считаться. (...) Правительство не должно давать президенту на подпись то, что не дает ему возможности воспользоваться своими президентскими полномочиями», — Зофья Ромашевская. («Жечпосполита», 29-30 июля)
- «После того, как президент Дуда использовал право вето в отношении двух ключевых для ПИС законопроектов, касающихся правосудия, польская политика уже не будет прежней. (...) Каков был решающий фактор, повлиявший на его решение? Задело ли его то, что бывшие товарищи по партии относятся к нему, как к марионетке? Или на него произвела впечатление огромная волна гражданского протеста, прокатившаяся за последние дни по всей Польше? Было ли это действие политических аргументов или же (...) юридических? Родная профессиональная среда господина президента заняла по вопросу расправы с Верховным судом пугающе солидарную позицию. (...) Впервые в этом политическом споре он повел себя как арбитр в полном значении этого слова. (...) Вдобавок он сослался на Зофью Ромашевскую, одну из самых замечательных личностей в антикоммунистической оппозиции. Ее слова об аналогии между системой, которую выстраивает ПИС, и Народной Польшей могли в самом деле убедить президента», — Богуслав Храбета, главный редактор. («Жечпосполита», 25 июля)
- «Закон о судах общей юрисдикции (...) президент решил подписать. А ведь именно этот закон делает министра юстиции (и генерального прокурора — В.К.) главным начальником над всеми судами и — что самое важное — дает ему возможность наказывать “непокорных” судей. (...) Спасая (...) Верховный суд и (...) сохраняя *status quo* судейских элит, президент принес в жертву независимость судов общей юрисдикции. (...) Единственный закон, на который не было наложено президентское вето, позволит министру (и генеральному прокурору — В.К.) менять по своему усмотрению председателей региональных, окружных и апелляционных судов, а те будут назначать нужных людей на посты вице-председателей и руководителей отделов. В октябре министр приведет к должности первых назначенцев, хотя этим должен заниматься президент». (Анна Войда, «Жечпосполита», 25 июля)
- «То, что сделал господин Анджей Дуда, только замедлит процесс уничтожения государственности. Подписывая закон о судах общей юрисдикции, он не остановил дальнейшего нарушения конституции», — проф. Радослав Марковский. («Газета wyborcza», 27 июля)
- «Вице-председатель Европейской комиссии предостерег польское правительство, чтобы оно не принимало нормативно-правовых актов, заставляющих судей Верховного суда уйти на пенсию. Если это случится, комиссия готова привести в действие статью 7 Договора о Евросоюзе. (...) Согласно этой статье, Европейский совет, то есть руководители стран, входящих в ЕС, определяет наличие угрозы правопорядку в одной из стран. И в результате может наложить санкции, приостановив право голоса либо заморозив выплаты из структурных фондов. Европейская комиссия положительно оценила вето, наложенное на два закона. (...) Негативная же оценка комиссии была дана подписанному президентом закону о судах общей юрисдикции». (Из Брюсселя Анна Слосевская, «Жечпосполита», 27 июля)
- «В связи с политикой правительства возникают десятки протестных групп, более или менее организованных, начиная от стихийных объединений граждан до зарегистрированных ассоциаций и фондов. Они действуют на общественных началах, но им нужны средства на связь, визуальные приспособления и усилители звука, а также на помощь тем, чьи права нарушаются властями. И люди помогают деньгами, руководствуясь исключительно тем, что разделяют цели организации и доверяют ей». (Эва Седлецкая, «Политика», 26 июля — 1 авг.)
- «В ходе протестных акций — как в защиту Конституционного трибунала, так и нынешних, связанных с реформой правосудия — многие вопросы, на первый взгляд абстрактные, становятся гражданам близки и понятны. Это новое явление. (...) Суть его очень важна: люди чувствуют свою связь со страной. У Речи Посполитой появляются свои патриоты, которые не хотят, чтобы это была ПИСовская страна. Раньше такой государственный патриотизм был в Польше очень редким явлением. Формируется мышление и — самое важное — ощущение, уверенность, что правовое государство представляет из себя большую ценность», — Людвик Дорн («Ньюсуик Польша», 24-30 июля)
- «Согласно опросу Института рыночных и социологических исследований (...) от 26-27 июля 2017 г., (...) действующий президент может рассчитывать на поддержку 36,2% респондентов. (...) За председателя Европейского совета Дональда Туска проголосовало бы 20,5% опрошенных. Третье место в рейтинге досталось мэру Слупска Роберту Бедрону, набравшему 16,3%». («Жечпосполита», 3 авг.)
- Поддержка партий: «Право и справедливость» — 40%, «Гражданская платформа» — 20%, Кукиз'15 — 11%, «Современная» — 6%, крестьянская партия ПСЛ — 4,7%, Союз демократических левых сил — 4,2%, «Свобода» (бывшая КОРВиН — «Коалиция обновления Республики – воля и надежда») — 2,6%, «Вместе» — 2,4%. Избирательный порог составляет 5%. Опрос агентства «IPSOS», 2-4 августа. («Газета wyborcza», 9 авг.)

2: Экономическая жизнь

Еще год назад некоторые польские фирмы задавались вопросом, принимать ли работников с Востока. Сегодня перед ними стоит совершенно другой вопрос: как бы поскорее это сделать, — пишет Анита Блашак в газете «Жечпосполита». Состязание с Украиной за трудовые ресурсы обостряется. Спрос на работников с Востока растет уже не только в наиболее развитых регионах Польши, но и в воеводствах с высоким уровнем безработицы. Согласно официальным данным, быстрее всего, а именно более чем в два раза в масштабах года, в первые шесть месяцев 2017-го росла потребность в квалифицированном фабрично-заводском персонале и строителях, в частности операторах машин и оборудования, техниках. Наибольший спрос на работников с Востока, в том числе украинцев, отмечается в производственной сфере с автотракторной отраслью во главе, а также в транспорте и логистике. Пресс-секретарь сети «McDonalds» сообщает, что в ресторанах корпорации работает 350 украинцев, многие из них — студенты. Снижение спроса на работников с Украины наблюдается только в двух профессиональных группах: это специалисты, которые чаще всего приезжают в Польшу по постоянному трудовому договору, а также сельскохозяйственные работники. Еще одна группа, где наблюдается снижение спроса, — это сфера домашнего хозяйства, в которой ранее массово трудоустраивались украинские няни и домработницы. Комментаторы указывают, что этот рынок уже насыщен, но главное — требования к оплате труда украинских нянь не намного ниже, чем польских.

Экспорт и объем польских инвестиций в Казахстане вновь имеют шансы возрасти. Этому способствует как определенно благоприятствующая инвестициям политика казахстанских властей, так и сильная поддержка экспорта польским правительством, — пишет Артур Осецкий в газете «Жечпосполита». Польские инвестиции в Казахстане увеличивались с 2011 по 2014 год. В последние два года несколько снизились. В прошлом году, по данным национального банка Казахстана, составили почти 26 млн долларов при общих прямых зарубежных капиталовложениях в 20,6 млрд долларов. «Мы приглашаем польских инвесторов. Предлагаем им действительно выгодные в конкурентном отношении условия, а также многочисленные льготы», — поощряет польский капитал Нурсултан Джиенбаев, заместитель председателя правления Национальной компании «Kazakh Inwest», ответственной за привлечение иностранных инвестиций. В Казахстане определены пять приоритетных секторов (металлургия, машиностроение, химическая, нефтеперерабатывающая отрасли и переработка пищевых продуктов) и 36 стран, в том числе Польша, в инвестициях которых особенно заинтересована страна. Польские фирмы имеют шансы инвестировать во всех пяти секторах. «Казахстан открыт, экономика стабильная и предсказуемая, — заявляет Марек Стец, директор фирмы «Selena», специализирующейся на строительной химии, и добавляет — Это оптимальная страна в Центральной Азии для инвестирования».

В Польше ежегодно производится свыше 40 млн пар обуви. Польша входит в число самых крупных производителей Европы после Италии, Испании и Португалии. Обувь — это также один из экспортных хитов. Как пишет Рафал Войский в «Газете выборчей», прошлогодний польский экспорт обуви в ценовом выражении достиг 1,13 млрд евро. Тенденция к росту наблюдается и в нынешнем году. С 2012 года экспорт обуви из Польши непрерывно растет с двузначным показателем. Крупнейший импортер польской обуви — Германия. Другие важные направления обувного экспорта — Россия, Великобритания, Турция и Голландия. Серьезную конкуренцию для польских обувщиков составляет массовая продукция из Китая. Так что торговая стратегия велит сосредоточиться на производстве и экспорте продукции высокого класса. На сегмент обуви для клиента с высокими запросами ориентируется, например, польская фирма «Gino Rossi», сеть фирменных магазинов которой охватывает Чехию, Словакию, Литву и Латвию. Еще одна фирма, «Kazar», открыла салоны-люкс не только в Будапеште и Бухаресте, но и в Объединенных Арабских Эмиратах. Бесспорного успеха добилась фирма «ССС». Сегодня она принадлежит к числу крупнейших производителей Европы. Ежегодно «ССС» продает свыше 28 млн пар обуви, а до конца 2017 года планирует расширить розничную сеть до 1100 магазинов общей площадью свыше 560 тыс. кв. метров.

Как сообщает Главное статистическое управление, в течение последних десяти лет Польша увеличила производство пива на 14%, что дало в прошлом году рекордных 4,14 млрд литров. Брекзит предоставил возможность занять более высокое положение среди производителей пива в Европейском союзе: сейчас польское пивоварение оказалось на третьем месте. Одна пятая производства пива в Евросоюзе принадлежит Германии. Однако не Германия, а маленькая Голландия является крупнейшим экспортером. Главный покупатель европейского пива — Соединенные Штаты, в которых импорт составляет 34% потребления. В Польше меняются предпочтения любителей пива: уменьшается спрос на темные и крепкие сорта. Летом популярно пшеничное пиво и сорта с фруктовыми добавками. Уменьшается спрос на пиво крупных производителей, возрастает потребление пива малых частных пивоварен. Именно они поставляют продукцию с вкусовыми добавками. В прошлом году на польском рынке появилось 1500 новых сортов пива.

«В каждом польском городе работает, по меньшей мере, несколько рынков. Все они достаточно чисты, благоустроены, оснащены крышами и навесами», — сообщает газета «Жечпосполита». Базары и рынки — как стационарные, так и сезонные — это существенный элемент польской торговли. И за этим утверждением стоит не только сентиментальная привязанность, но и уровень денежного обращения. По оценкам экспертов, годовой объем торговли на рынках достигает около 20 млрд злотых. В реестрах фигурируют свыше 100 тыс. фирм, предметом деятельности которых является торговля на рынках. 43 тыс. из них занято продажей текстильных изделий, одежды и обуви, а около 27 тыс. предлагают продовольственные товары, напитки и табачные изделия. Торговля на рынках для многих потребителей по-прежнему ассоциируется с периодом трансформации общественного строя и первыми предпринимателями, которые раскладывали различного рода товары на раскладушках или самых примитивных прилавках. Базарная торговля развивалась молниеносно. По оценке, к концу 90-х годов только на варшавской «Ярмарке Европа» и на уже не существующем «Стадионе Десятилетия» торговало около 5 тыс. продавцов, торговый оборот достигал 2 млрд злотых, а в краковском районе Нова Гута насчитывалось около 2 тыс. торговцев, работающих на базаре. Теперь же в моде небольшие рынки.

«В созданных Еврокомиссией реестрах защищенных продуктов, географических наименований и традиционных особенностей 39 позиций принадлежат Польше», — пишет Яцек Лакомый в газете «Жечпосполита». Недавно в список включена «белая паровая великопольская колбаса». До того как она вошла в европейский защищенный список, в течение десяти лет эта колбаса фигурировала в списке традиционных продуктов, как региональный продукт, производимый в основном в Великопольше. С момента регистрации в качестве защищенного продукта, такой товар могут производить исключительно колбасники Великопольского воеводства и нескольких соседних поватов. Соответствие продукции спецификации контролирует комиссия, действующая при познанской Гильдии мясников, колбасников и поваров. Еще один региональный продукт, о регистрации которого в списке Евросоюза ходатайствовали предприниматели Великопольши, — это «рыжиковое масло, получаемое из семян рыжика посевного». Это старейшее травянистое масличное растение, выращиваемое на территории Польши. Именно традиционный метод производства этого лечебного продукта предлагается к защите в Евросоюзе. Авторы предложения утверждают, что всего одна чайная ложка такого масла удовлетворяет потребность организма в ненасыщенных жирных кислотах, снижает уровень холестерина, уменьшает риск сердечных заболеваний.

Е.Р.

3: Плюс-минус

— *Поляки полны оптимизма: индекс потребительской уверенности (consumer confidence index) значительно вырос и составляет в Польше 88 баллов, тогда как среднеевропейское значение — 81 балл. Что же так сильно улучшило наше самочувствие?*

— Несомненно, для нескольких миллионов семей непосредственной причиной послужило дополнительное денежное вливание в рамках программы «500 плюс» «500 плюс» — польская государственная программа пособий для помощи семьям в воспитании и содержании детей — Примеч. пер. Для немалой части населения это означало выход из зоны стыда из-за невозможности купить детям то, что имеют другие, оплатить дополнительные занятия, обеспечить лучшее питание или поездку на каникулы. Имеет значение также улучшение ситуации на рынке труда и перспектива осенью вернуться к прежнему пенсионному возрасту.

— *Вы говорили, что продление периода профессиональной активности было правильным.*

— Да, и я по-прежнему так думаю, ведь мы живем дольше и из демографических соображений должны дольше работать. Но сегодня я вижу здесь больше нюансов, например, то, что государство не подготовилось к этой необходимой и сложной операции. Не запланировало никаких затрат, чтобы мы смогли прожить эти дополнительные годы в относительно добром здравии и физической форме. Не был также принят во внимание факт, что в преклонном возрасте на нас — в особенности на женщин — ложится бремя ухода за внуками и престарелыми родителями, а продолжение работы это или очень затрудняет, или делает просто невозможным. Наконец, на многих рабочих местах царят крепостнические отношения, агрессия и унижение человеческого достоинства. Поэтому сейчас поляки радуются, что предыдущий закон отменен, они еще не знают, что за это придется заплатить в будущем более низкими пенсиями. Однако, в любом случае, проблему пенсионного обеспечения нужно будет как-то решать.

Кроме того, поводом для оптимизма стало изменение условий труда. Исчезает ощущение угрозы. Начальство уже не запугивает тем, что за воротами стоит десять желающих занять наше место. А даже если мы потеряем работу, то знаем, что найдем другую.

— **Потребительский оптимизм приводит к повышенному желанию делать покупки. Не благодаря ли тому, что мы бросились в магазины, темпы экономического роста в первом квартале составили целых 4%? А может быть, к этому привели еще какие-то действия правительства?**

— Быстрыми темпами роста мы обязаны еще также растущему экспорту. Мы долго имели превышение экспорта над импортом, поскольку покупали меньше станков и оборудования из-за значительного снижения инвестиций со стороны предприятий. Заслуги правительства в стимулировании частных инвестиций мне пока не заметны. Действия, обещанные в плане Моравецкого «План ответственного развития» или «план Моравецкого» по фамилии его автора — министра развития Польши Матеуша Моравецкого. План является стратегией сбалансированного экономического развития страны в будущем, его цель — активизация польского предпринимательского сектора развития — Примеч. пер., еще не отразились в статистике.

— **Польские товары хорошо продаются за границей, главным образом, из-за доступных цен.**

— Ценовая конкурентоспособность нашего экспорта — результат очень низкой оплаты труда, одной из самых низких в Европе.

— **Это начинает меняться. Заработная плата тоже становится поводом для оптимизма. За последний год она выросла более чем на 4 %.**

— Это вызвано изменениями на рынке труда и немного социальными выплатами, как раз теми «500 плюс».

— **Но еще и быстрым темпом роста минимальной оплаты труда. Уже несколько лет она растет быстрее, чем средний заработок по стране. Что ставит под сомнение признаваемую многими экономистами догму о том, что рост минимальной заработной платы приводит к росту безработицы в группе самых молодых и наименее квалифицированных работников. Тем временем, сейчас у нас самая низкая безработица с начала трансформации, она составляет всего 7,7 %.**

— Всё это так. Но говоря о динамике ВВП, я рассматривал бы не только самые низкие заработки, но и среднюю зарплату, и фонд оплаты труда вообще. С середины 90-х годов производительность труда, рассчитываемая в текущих ценах, растет в Польше быстрее, чем заработки. Это значит, что соотношение между доходами от труда и прибылью предприятий понижается, что угрожает социальной сплоченности. Когда-то доля заработной платы в ВВП составляла 60%, а прибыли предприятий 40%. Теперь эта пропорция перевернута, и лишь в последние годы заметна некоторая стабилизация. Работодатели богатели быстрее, чем работники. Такое положение вещей вовсе не способствует развитию экономики, поскольку слабый рост оплаты труда означает слабый рост потребления, а это сдерживает темпы роста всей экономики. Прибыли предпринимателей переносятся на рост потребления в значительно меньшей степени. Увеличение прибыли тоже вовсе не увеличивает склонности к инвестициям. Так что я не вижу причин, по которым минимальная оплата труда не должна расти. Это неправильное соотношение заработной платы и прибыли нужно было перевернуть, что и начало происходить.

— **В какой момент нужно будет сказать «стоп»?**

— Когда заработки начнут расти быстрее, чем производительность труда. Мы до этого момента еще не дошли.

— **Вернемся к рекордно низкой безработице. Ее причина не в большом предложении новых рабочих мест, что было бы поводом для радости. Главное статистическое управление сообщает, что в последнем квартале прошлого года работало 16 млн 330 тыс. человек, тогда как в первом квартале 2017 г. на 50 тысяч меньше. Это не разовый эксцесс, а тенденция, которая будет усиливаться. Таким образом, снижение безработицы — это результат того, что число пожилых людей, уходящих с рынка труда на пенсию, больше, чем молодых, начинающих свою профессиональную карьеру. И это не повод для радости. А что будет в октябре, когда на пенсию смогут уйти дополнительно 300 тысяч человек, достигших прежнего пенсионного возраста?**

— Я тоже опасюсь этого. Остается надеяться, что многие из них поддадутся уговорам правительства и все-таки продолжат работать. Дополнительным аргументом станет перспектива некоторого увеличения пенсии.

— **Только вот при этом министерства и различные государственные учреждения, такие как сельскохозяйственные агентства или Государственное финансовое управление, сами выталкивают людей на пенсию.**

— Закон о Национальном банке Польши не позволяет мне обсуждать шаги правительства. Однако могу заметить, что эта невыгодная для рынка труда тенденция усилится благодаря открытию Евросоюза для украинцев. Часть тех, кто на сегодня трудоустроен в Польше, могут захотеть поискать работу в других странах, что углубит дефицит рабочих рук у нас. Это произойдет не сразу, но через 2-3 квартала может стать дополнительным источником проблем. Оба эти явления могут вызвать сильное ускорение роста заработной платы.

— **Иммиграционной политики, которая побуждала бы иностранцев приезжать к нам на работу, у нас тоже нет. Но нехватку рабочих рук можно компенсировать инвестициями в оборудование, заменяющее людей.**

— Можно, но это требует инвестиций и времени. До сих пор в этом не было нужды, поскольку оплата труда была низкой. Однако рост заработной платы должен способствовать инвестициям.

— **Но не способствует. Как раз был побит очередной рекорд — частные фирмы держат в банках на депозитах с жалкими процентами уже 275 млрд злотых. Еще недавно было 250 миллиардов.**

— К сожалению, наши частные предприниматели ведут себя, как рантье. Потребление растет, степень амортизации производственных мощностей уже превысила 90%, а они по-прежнему не инвестируют. Ждут. Предпочитают не увеличивать продажи, чем пойти на дополнительный риск, который является неотъемлемой стороной инвестирования собственных денег в средства производства и человеческий капитал. Они не инвестируют, хотя мотивации, содержащиеся в т.н. пакете Моравецкого, выглядят соблазнительно.

— **Есть еще «пакет Жёбро»** *Збигнев Жёбро — министр юстиции и генеральный прокурор Польши — Примеч. пер.*

— Есть предприниматели, уклоняющиеся от оплаты налогов, страховых взносов и даже заработной платы. И с этим нужно что-то делать. Но неуверенность, связанная с переменами в сфере регулирования, действительно, очень велика и не всегда способствует развитию. Предприниматель, читая только что измененную ст. 292 Уголовного кодекса, узнаёт, что в его компанию в недостаточно четко определенной ситуации может явиться некто вроде финансового комиссара и взять ее под свое управление. Так что у него может и не быть желания инвестировать в свой бизнес. Увеличивать капитализацию компании, которую он теперь легко может потерять из-за подозрений со стороны чиновника, к примеру, в налоговых злоупотреблениях, которые впоследствии могут оказаться необоснованными. Многие предприниматели выберут спокойствие, а не сомнительные прибыли и дополнительные риски, тем более, когда уже заработали на безмятежную старость и обеспечили безбедную жизнь семье. Эти страхи предпринимателей перед чрезмерным риском нужно бы уменьшить. Они могут оказаться тормозом для экономики.

— **Крупные компании, контролируемые государством, тоже ограничили инвестиции, как и органы самоуправления. Они тоже боялись повышенного риска?**

— В случае прекращения инвестиций в крупных фирмах, это было связано, главным образом, с отсутствием финансирования со стороны Евросоюза, теперь ситуация меняется. Идут вверх и инвестиции территориальных самоуправлений. Оживление инвестиций, связанных со средствами Евросоюза, через какое-то время распространится также на некоторые частные компании. Беспокоит, однако, большая зависимость наших частных инвестиций от финансирования Евросоюза.

— **Как долго нас могут радовать неплохие темпы роста, если мы обязаны этим средствам, выделенным из бюджета Евросоюза, а уверенности, что мы действительно получим все те деньги, которые были включены в нынешний финансовый план ЕС, у нас нет? Не говоря уже о следующем. Не видите ли вы угрозы для нашего развития, связанной с мыслями о создании отдельного бюджета для стран из зоны евро?**

— Нельзя исключить того, что такой особый бюджет появится. Однако в ныне действующих договорах ясно написано, что близкое сотрудничество части стран ЕС не может ухудшать ситуации стран, которые не включены в это близкое сотрудничество (ст. 326-8 Договора о функционировании Европейского союза). Таким образом, бюджет для зоны, принявшей евро, должен складываться из новых взносов этих стран, либо договоры пришлось бы изменить. В нынешней правовой ситуации нельзя поделить существующий бюджет радикально иначе.

— **Может стоит начать дискуссию о введении евро в Польше?**

— Это немного другое дело. Еще полтора года тому назад я считал, что вначале мы должны достичь конкурентоспособности, сравнимой с развитыми странами Евросоюза и быть в состоянии эту конкурентоспособность постоянно поддерживать. Еще у меня были — и по-прежнему остаются — серьезные сомнения, правильный ли путь выбрал Евросоюз для выхода из кризиса. Затягивание поясов и подавление спроса не казалось мне правильным, я даже усматривал в этом опасность длительной экономической стагнации, грозившей, в конце концов, распадом зоны евро. Сейчас, ради защиты существования самого ЕС, я был бы готов пересмотреть свою точку зрения. Для моего поколения Сообщество очень важно, благодаря ему в Европе уже 70 лет нет войны, хотя европейская солидарность начинает проигрывать с национальными эгоизмами. Но это не меняет того факта, что я по-прежнему опасаюсь снижения конкурентоспособности нашей продукции и того, что через некоторое время после вхождения в зону евро мы можем оказаться в положении Греции или Испании.

— **Это зависит от наших политиков.**

— Не только. Идет гонка, кто больше снизит трудовые издержки на единицу продукции. В ней лидируют немцы. Они годами сдерживали у себя рост заработной платы. Благодаря этому немецкие автомобили, холодильники или посудомоечные машины были дешевле испанских и французских, а Германия увеличивала экспортное сальдо. В тех странах люди, действительно, зарабатывали больше, но их экономики теряли конкурентоспособность по сравнению с Германией. Поэтому я боюсь, что наша конкурентоспособность, объясняемая низкой заработной платой, будет таять вместе с ее ростом.

— **Еще она растает, если мы не перейдем на евро. Само по себе наличие собственной валюты не улучшает конкурентоспособности.**

— Это так, оно дает временную передышку, но в долгосрочной перспективе ослабление курса злотого поможет мало. Это область стратегических решений для Сообщества в целом. В том числе и для Польши. Должны ли мы, борясь при помощи низких зарплат за конкурентоспособность на глобальном рынке, снизить их до уровня средней заработной платы в Китае, Бангладеш и т.п., с учетом, конечно, различия в уровнях производительности

труда? Впрочем, в мире глобализации и международных корпораций, перемещаемых — как на платформе — в страны с самой низкой оплатой труда, налогами, стандартами охраны окружающей среды, они будут выравниваться. То же относится к США и всему западному миру.

Что же касается Польши — мы должны решить, устроит нас роль перевалочного порта для китайских товаров на шелковом пути или же мы примем вызов построения современной экономики, может быть, по образцу немецкой. Способной производить технологически передовую продукцию с хорошим качеством. Производство окон, в котором мы являемся магнатами, в долгосрочной перспективе не обеспечит конкурентоспособности нашей экономике. Скорее уж автобусы. Однако польское предложение товаров такого рода слишком уж скудно.

— Вы как-то выразили опасение, что нашу конкурентоспособность не повысит даже реализация т.н. стратегии ответственного развития Матеуша Моравецкого. Ведь современная индустриальная политика состоит не в указаниях, кто должен развиваться благодаря помощи государства, а в создании таких условий, чтобы именно предприниматели были заинтересованы в новых технологиях.

— Не дело члену Совета по денежной политике оценивать правительственные программы, если они непосредственно не связаны с этой политикой. Чтобы сэкономить время, могу лишь отослать к вышедшей недавно в Польше книге Марианы Маццукато, а также к публикациям Дэни Родрика или Роберта Уэйда^{Мариана Маццукато} — экономист, профессор университета Сассекса. Дэни Родрик — турецкий экономист, специалист по экономике развивающихся стран и институциональным реформам. Роберт Уэйд — профессор Лондонской школы экономики — Примеч. пер.

Роль государства в современной индустриальной политике — это предоставление информации, поддержка стартапов и проведение базовых исследований, а также первой фазы работ по внедрению, груз которых слишком тяжел для отдельного предприятия, даже средней величины.

— Добавлю: вот именно. Но скажите, пожалуйста, как долго будут у нас поводы для оптимизма? На «500 плюс» и вновь уменьшаемый пенсионный возраст мы должны были заработать улучшением собираемости налогов и ликвидацией афер с налогом НДС. Результаты этой герметизации, действительно, заметны, но возвращенные суммы слишком малы. К 23 миллиардам, в которые ежегодно обходится программа «500 плюс», в следующем году придется добавить еще 10 миллиардов, предназначенных на выплаты пенсий. В доходах на будущий год нет покрытия для столь больших затрат. Наше государство быстрыми темпами влезает в долги. Мы радуемся в кредит?

— У меня нет причин сомневаться, что улучшение собираемости налогов будет прогрессировать. Улучшится и собираемость страховых взносов.

— Вы не видите угроз для сохранения темпов роста?

— Угрозой может быть, о чем мы уже говорили, ограниченное предложение рабочей силы. Поэтому нужно позаботиться о создании новых яслей и детских садов, чтобы женщины хотели и могли работать, несмотря на «500 плюс». В деревне есть много рабочих рук, ненужных в сельском хозяйстве, нужно стимулировать этих людей к труду вне аграрной сферы. Резервы есть.

— Аграрии вообще не заинтересованы в легальной работе в городе: они боятся потерять право на страховку в Кассе сельскохозяйственного социального страхования. Государство привязало крестьянина к земле.

— А если не лишать их этого права? Но дать возможность увеличить будущую пенсию благодаря взносам, дополнительно собранным в Управлении социального страхования? Поддержание темпов роста ВВП на уровне 3,8-4% реально. Возможностей много.

— Только времени мало. До осени ничего не изменится.

— Поэтому я опасюсь того, что может произойти осенью и позже. Большой отток работников с рынка труда может вызвать чрезмерный рост заработной платы. И хотя в ближайшие два-три квартала я не вижу серьезной инфляционной угрозы для Польши (тем более, что мировые цены на нефть будут стабильными и относительно низкими, а рост цен на продукты питания не имеет значительного веса в корзине потребительских благ), то в вероятном росте удельных трудовых издержек в конце года я вижу угрозу, которая может потребовать достаточно раннего противодействия. Наиболее эффективны были бы трехсторонние соглашения по заработной плате, но при слабости институтов, являющихся сторонами таких соглашений, остаются болезненные комбинации фискальной и денежной политики.

— Мы не должны переживать из-за растущего долга? Он растет быстрее, чем при Туске, а Туска обвиняли в том, что он втягивает Польшу в долги, как Герек.

— Думаю, что в 2018 году Европейская комиссия изменит подход к государственному долгу и смягчит практику соблюдения маастрихтских критериев^{Маастрихтские критерии} — финансово-экономические показатели страны, достаточные для вступления в еврозону. По ним оценивается жизнеспособность экономики и, в частности, финансовой системы, уровень цен и стабильность курса национальной валюты. Затыгивание поясов не принесло ожидаемых результатов, оно лишь задушило спрос, что замедлило темпы роста. Через семь лет после кризиса в большинстве стран соотношение долга и ВВП выросло вместо того, чтобы снизиться. Нужно видоизменить эту политику. Больше заботиться о социальной сплоченности и экономическом росте, который позволит «вырасти» из долга, а не радикально

урезать расходы. В Японии долг превосходит 120% ВВП, и никому как-то не приходит в голову, что это государство может рухнуть.

— **Япония должна своим гражданам.**

— Именно. Долг самому себе не имеет такого значения, его можно продлевать. Мы в худшей ситуации, половину мы должны иностранным инвесторам. Поэтому нам нужно побеспокоиться о темпах роста, чтобы «вырасти» из долга.

— **Когда из него «вырастают»?**

— Тогда, когда показатель роста ВВП в текущих ценах выше, чем проценты по казначейским бумагам. Сейчас это выглядит так. Проценты по 10-летним облигациям составляют около 3,1-3,3%.

— **Как долго продлится такое состояние?**

— Не знаю. Это зависит не только от наших процентных ставок. И не только от наших показателей роста. Пока ситуация в мире выгодна для Польши.

4: Война в кофейнях

О том, что Польша не настолько разобщенная страна, как принято считать. Ведь если бы противоречия, на самом деле были столь глубоки, то любой, даже мелкий, спор вызывал бы зрелищную конфронтацию.

Если утром включить ТОК FM, вечером посмотреть новости на TVN и правительственных каналах, а перед сном послушать «Радио Мария», того и гляди, поверишь, что в Польше обитают две чуждые друг другу нации. А тот факт, что они говорят на одном языке, следует признать капризом природы. Капризом по-своему интересным, но исключительно неудобным: ведь если бы из-за языкового барьера понять другую сторону было труднее, то и степень нервозности была бы меньшей. А так неустанный поток информации через СМИ создает впечатление постоянного кипения.

И здесь стоит отметить еще один парадокс. Если бы поляки находились на таком эмоциональном подъеме, какой ежедневно демонстрируют оппозиционные СМИ (когда-то именовавшиеся главными), а подтверждают это, выражая свое несогласие с их возмущением, СМИ правительственные (захваченные прежними непокорными), то на улицах должны были бы штабелями лежать трупы. Но всё спокойно. Даже в Варшаве во время манифестации по случаю 11 ноября^{11 ноября — Национальный праздник независимости Польши — Здесь и далее примеч. пер.,} в отличие от прошлых лет, было так мало событий, что сенсацией стал вымазанный черным кремом Яцек Хуго-Бадер из «Газеты wyborczej», который — замешавшись в толпу — решил показать, как «правые и патриоты» относятся к иностранцам.

Загадочно мягкие результаты польско-польской войны может объяснить только то, что она касается лишь немногочисленных элит. Той, что отстранена от власти и ведет борьбу за ее возврат, и новой, упорно притворяющейся, что она вовсе не элита, а лишь покорный слуга суверена. А суверен — мы, граждане — не слишком верит, будто его мнение что-то значит. На очередную войну наверху, которую в СМИ показывают как общенациональный конфликт, мы поглядываем со стороны. Ведь в старой элите мы давно разочаровались, а новая делает все, чтобы за короткое время добиться такого же эффекта.

И столь глубокие различия наверху не переносятся на все общество. В противном случае, более чувствительных результатов ждать пришлось бы не слишком долго.

Вера без эмоций

Ничто так не разжигает в людях ненависть, как религиозные различия. Вдобавок религия — это еще и полезный инструмент для политиков, позволяющий управлять общественными симпатиями. Хотя при чрезмерном накале эмоций возникает опасность, что они выйдут из-под контроля. А когда различия, разделяющие общество, слишком уж глубоки, тогда для взрыва достаточно даже третьеразрядной мелочи. Хотя бы того факта, что в нужный момент кто-то не снял шапку.

Это произошло 16 июля 1724 г. в Торуне, когда по улице мимо лютеранской церкви св. Иакова двигалась процессия в честь Богородицы. Ученик действовавшей при храме гимназии стоял с покрытой головой. К нему подбежал слушатель иезуитского коллежа Станислав Лисецкий и сбил с него шапку. Через мгновение на улице уже дрались ученики обеих школ. Драку прекратило только вмешательство городской пожарной охраны. По приказу бургомистра Лисецкий был арестован. Тогда группа католиков похитила случайного лютеранина, чтобы произвести обмен. Ответ другой стороны был мгновенным. Протестанты разгромили иезуитский коллеж и осквернили тамошнюю часовню. Вынесенные из нее фигуры святых и Богородицы сожгли на заранее подготовленном костре. Известная во всем мире толерантность Речи Посполитой Обоих Народов в то время

превращалась лишь в воспоминание.

Торуньскими беспорядками немедленно занялись политики. Король Август II Сильный, потерпевший поражение в Третьей Северной войне и ставший вассалом русского царя Петра Великого, нуждался в поддержке подданных, чтобы обеспечить сыну избрание на трон Речи Посполитой. Поэтому он решил продемонстрировать, как сильно он поддерживает польских католиков, тем самым перетянув на свою сторону Сейм и шляхту. Для проведения следствия в Торунь направились королевская комиссия, состоявшая из чиновников и епископов. По ее рекомендации ассессорский суд в Варшаве в середине ноября 1724 г. вынес драконовские приговоры: торуньского бургомистра Иоганна Готфрида Рёзнера, его заместителя и двенадцать других обвиняемых приговорили к смертной казни, а 40 участников событий к длительным срокам заключения.

Рёзнер, хоть и имел такую возможность, не решился бежать в Пруссию, надеясь на помилование (двое из приговоренных бежали, один, благодаря иезуитам, дождался помилования). Другие были арестованы и вскоре обезглавлены, несмотря на письменные протесты, присланные королями Пруссии, Великобритании и Дании. Вскоре Европу затопила волна публикаций на тему религиозных преследований в Речи Посполитой. «Поляки — самый дикий и отвратительный народ Европы» — гласила одна из них. Поэтому неудивительно, что политическую игру Августа II ловко подхватила прусская и русская дипломатия, используя ее против короля и слабеющего государства.

К счастью, в современной Польше спор с религиозной коннотацией распаляет, главным образом, элиты. Но идеалистов среди них можно пересчитать по пальцам. Хотя конечно, если в одну программу пригласить Казимиру Щуку^{Казимира Щука — польская журналистка, литературный критик, политик, сторонница феминизма.} и Томаша Терликовского^{Томаш Терликовский — польский журналист, философ, писатель, католический деятель.}, то скандал будет гарантирован, а вместо полемики мы услышим крики обоих: «Я с фанатиком не разговариваю!». Тогда как среди партийных лидеров преобладают два циничных течения. Первое, особенно касающееся ПИС, а также ГП и ПКП^{Польские политические партии «Право и справедливость», «Гражданская платформа» и «Польская крестьянская партия».}, сводится к привлечению церковных иерархов, чтобы те продвигали данную партию среди верующих. В свою очередь, левые, зная, что у них на это шансов нет, стараются ослабить влияние Церкви. Хотя после поражения на выборах движения «Твой Рух» Януша Паликота антиклерикализм значительно ослаб. В большой степени потому, что ощутимой выгоды не принес.

Что вовсе не означает, будто поляки прочно связаны с Церковью. Знаменательно, насколько безразлично мы наблюдали провозглашение в Лагевниках Акта признания Христа Королем и Господом, что упрощенно называли коронацией Иисуса королем Польши. Участвовавшие в этом верующие не слишком понимали, о чем речь, радикалы из движения, добивавшегося возведения Христа на трон, не могли решить, нужно ли им радоваться, а левые СМИ и партии — против чего протестовать. Итак, эмоции элит по вопросам религиозных разногласий по-прежнему не вызывают особого резонанса в обществе. Эти вопросы его будто бы совершенно не касаются.

Оппозиция без надежды

Когда год тому назад создавался Комитет защиты демократии (КЗД), казалось, что страна, наконец, преодолеет глубокий ров раскола на либеральную и националистическую Польшу. Впрочем, этот раскол стараются углубить обе стороны спора. Но они впервые поменялись ролями. Отстраненная от власти элита, называющая себя проевропейской и прогрессивной, отчаянно хватается за методы борьбы, которые применялись ее идейными лидерами в ПНР.

Атака с позиции морального превосходства в сочетании с гражданским движением должна была отыграть поражение на выборах. Согласно тому, как в начале 80-х написал в своем стихотворении Збигнев Херберт, оказание сопротивления должно было быть «вопросом вкуса». Столкновение с новым режимом вызывало бы растущее отвращение, которое заставляло бы противостоять, невзирая на последствия. Так выглядела теория, а первые ободряюще выглядевшие демонстрации, казалось бы, подтверждали ее. Вот только другая сторона совершенно не хотела реагировать жестко, чтобы, хотя бы мелким преследованиями, не разжечь сопротивления. Ну и отвращение.

Поиск аналогии с временами ПНР оказался делом малоперспективным. В те времена было достаточно мелочи, чтобы государственный аппарат начало трясти. Взять хотя бы момент, когда творческие круги хотели деликатно сообщить, что их очень тяготит усиление цензуры, ликвидация отраслевых журналов и последовательное урезание количества выделяемой для издательств бумаги. Вследствие чего в 1957–1962 годах годовые тиражи издаваемых книг снизились с 85 до 78 млн экземпляров. «В такой атмосфере Слонимский и Липский проявили инициативу, составив и отправив премьеру письмо, в котором поднимался вопрос об изменении культурной политики, цензуре и недостатке бумаги» — сообщалось потом в отчете отдела культуры ЦК ПОРП.

Двое авторов, выступивших против действующего порядка, Антоний Слонимский и Ян Юзеф Липский, втянули в заговор поэта Павла Герца и автора исторических книг Павла Ясеницу. Довольно долго они вместе дискутировали над содержанием меморандума. Наконец, потеряв терпение, Слонимский написал на листе бумаги: «Председателю Совета Министров Юзефу Циранкевичу. Ограничение количества бумаги на издание

книг и журналов, а также ужесточение цензуры в прессе создают угрожающую ситуацию для развития национальной культуры. Мы, нижеподписавшиеся, признавая существование общественного мнения, права на критику, свободную дискуссию и правдивую информацию необходимым элементом прогресса, движимые гражданским беспокойством, требуем изменения культурной политики в духе прав, гарантированных Конституцией польского государства и сообразных с благом нации». Просмотрев эту довольно невинную по своему содержанию петицию, Ян Юзеф Липский отметил: «Несмотря на то, что мне этого хотелось — я не предложил никаких изменений, в первую очередь, чтобы не уязвить авторскую гордость пана Антония, но еще более для того, чтобы не создавать настроения для продолжения совещаний и внесения новых поправок». Другие ее читатели повели себя так же.

В конце концов, письмо премьеру Циранкевичу было подписано 34 известными людьми из мира культуры и науки. Помимо авторов это были, в частности, Мария Домбровская, проф. Кароль Эстрейхер, Александр Гейштор, Мельхиор Ванькович. Идеологический спектр выглядел впечатляюще. От заигрывавшего с коммунизмом и сотрудничавшего с разведкой ПНР проф. Леопольда Инфельда, социалиста проф. Эдварда Липинского до виленского консерватора Станислава Цат-Мацкевича. 14 марта 1964 г. Слонимский принес составленное им письмо в канцелярию премьера Циранкевича и отдал в руки секретарши, полагая, что вопрос будет решен весьма деликатно. И только председатель Союза польских литераторов (СПЛ) Ярослав Ивашкевич сразу почувствовал, чем это кончится. «Мне нет до этого никакого дела! Плевать мне на все это! Я для этого уже слишком стар!.. Ах! За границей будут шуметь, Гомулка взбесится!» — заявил он секретарю СПП Яну Марии Гисгесу, после чего спешно уехал в Италию писать книгу.

Великий писатель, которому государственная карьера удавалась как во времена санации, так и при народной власти, был абсолютно прав. Мельхиор Ванькович и Станислав Цат-Мацкевич, независимо друг от друга, тайно переслали на Запад содержание «Письма 34-х». Только тогда власти Варшавы сориентировались, что в секретариате у Циранкевича лежит петиция, которую секретарша забыла передать шефу. Но глава ПОРП Владислав Гомулка определенно предпочитал больше верить в заговор, нежели в случайность. Он атаковал бунтовщиков: Липского арестовали, на двенадцать других подписантов письма наложили запрет любых публикаций. Главного редактора «Тыгодника повсехного» Ежи Туровича, который тоже подписал «Письмо 34-х», наказали снижением тиража католического журнала с 40 до 30 тысяч экземпляров. Наконец, были задержаны Ванькович и Мацкевич. Для двух престарелых звезд публицистики решили устроить показательные процессы. Первый из них был приговорен к трем годам тюрьмы (от исполнения приговора воздержались), второй умер до начала суда. Репрессии увенчались принуждением почти 700 лиц из мира культуры и науки к подписанию меморандума с осуждением «Письма 34-х».

Творческие круги не простили властям ПНР такого обращения. Из-за недосмотра секретарши призывы общего характера вызвали скандал, который ныне символизирует начало сопротивления интеллигенции коммунистическому режиму. Что, в общем, не лишено смысла, поскольку о «Письме 34-х» долго сообщали СМИ во всем мире, подчеркивая раскол, произошедший между правящей группой и творческими кругами. Современная попытка повторить эту историю окончилась фарсом. Поддержка «Газеты wyborczej» и прочих средств массовой информации, сочувствующих Комитету защиты демократии, мало чем помогает и даже не в состоянии скрыть того, что КЗД скатывается до уровня развлекательной организации, специализирующейся на абсурдных хепенингах.

Государство без силы

«Польское государство существует теоретически. Практически его не существует, потому что оно действует отдельными своими фрагментами, не понимая, что государство — это целое» — внушал Бартломей Сенкевич главе Национального Банка Польши Мареку Бельке. Цитаты из скандальных аудиозаписей, сделанных во время встречи Бельки и Сенкевича в ресторане и опубликованных журналом «Впрост».

над блюдом с осьминогами.

Слова бывшего министра внутренних дел запали в память не только журналистам. Одним из главных предвыборных лозунгов ПИС стало укрепление государства. В духе наблюдений Сенкевича, который заметил: «Там, где государство действует как единое целое, оно обладает поразительной эффективностью». Этой эффективности должен был способствовать молниеносный захват всех руководящих постов в администрации, обновление закона о гражданской службе, позволившее с легкостью менять директоров, а также нападки на приватизированные государственные предприятия. После реформы аппарата казначейства и таможенной службы государство, в соответствии с мечтой Сенкевича, должно было стать как сжатый кулак. В начале лета Ханна Гронкевич-Вальц и Роман Гертых Ханна Гронкевич-Вальц — польский политический деятель, мэр Варшавы, в прошлом председатель Национального банка Польши. Роман Гертых — польский консервативный политик, в прошлом вице-премьер Польши.

не скрывали, что осенью ожидают первых арестов среди знакомых. В чем им вторил Томаш Лис Томаш Лис — польский журналист, главный редактор еженедельника «Ньюсуик Польска». В Польше вновь должно было стать так, как было при коммунистах или при царизме. Власть, правящая абсолютно и безнаказанно, при пассивном одобрении со стороны подданных.

В польских реалиях вера в возможность проведения таких изменений несколько удивляет. После 1945 г. это удалось благодаря Красной Армии и корпусам НКВД. А когда отсутствует мощный репрессивный аппарат, любые попытки закручивания гаек приводят к моментальному расколу и столь же быстрому взрыву. Пример этого процесса легко проследить в недолгом существовании автономного Царства Польского. Царь Александр I дал ему либеральную конституцию и широкий спектр свобод. Внутреннее управление осуществлялось Сеймом, а также наместником, которым в течение десятилетия был ген. Юзеф Зайончек. Этот бывший участник восстания Костюшко и наполеоновский солдат хоть и верно служил царю, но к русскому менталитету относился не слишком положительно. Типичный москаль — согласно запискам генерала — был человеком, «не знающим иной добродетели, помимо слепого послушания». А в Царстве Польском привыкли соблюдать гражданские свободы.

Ситуация начала меняться, когда после смерти Александра I на трон в 1825 г. взошел Николай I, который начал последовательно ограничивать польскую автономию. Точкой кипения при подчинении поляков дисциплине оказался незначительный с виду факт. Великий князь Константин вводил в польской армии русский стиль поддержания дисциплины, который был основан на оскорблении подчиненных и применении телесных наказаний. Среди непривычных к унижениям офицеров это вызвало просто эпидемию самоубийств. Чему удивлялись русские, не понимавшие гиперчувствительности ляхов к тому, что для них представляло собой естественный способ общения начальника с подчиненным. Кнут стал тогда символом властного подавления и русского варварства. Когда руководитель заговора, инструктор Школы подхорунжих Петр Высоцкий, призвал курсантов к бунту, свою речь он начал со слов: «Пробил час мести». Не случайно ноябрьское восстание началось с попытки захватить Великого князя Константина с тем, чтобы убить его.

Поставить перед собой цель реально закрутить гайки в Польше — это означает создать себе неизбежные проблемы. За год, пока правит ПИС, имела место лишь одна такая попытка, когда Сейм всерьез занялся безумным проектом фонда *Ordo Iuris* ^{Ordo Iuris — польская юридическая ассоциация ультраконсервативного толка.} по полному запрету аборт. Короткого рыка общества было достаточно, чтобы правящая команда в панике протрубила отступление.

Тем временем, образ пропасти между запуганным гражданином и угнетающим его правительством по-прежнему остается лишь плодом воображения элиты, отстраненной от власти. Государственный аппарат не составляет единого «кулака», поскольку вводимые перемены принесли, прежде всего, нарастающую инертность, соединенную с полным упадком и так уже весьма слабого боевого духа чиновников.

Если анализировать ежедневные реакции поляков, то вывод о том, что главная проблема — это продолжающийся политический диспут и невозможность достижения компромисса, вовсе не выглядит столь уж очевидным. Словесная и протекающая, главным образом, в кофейнях польско-польская война кажется просто второразрядным вопросом, поскольку общество оказалось удивительно равнодушным к генерируемым наверху расколам и конфликтам. Намного более важным становится тот факт, что отстраненной от власти элите не удалось и не удастся ни ощутить ответственности за государство, ни действовать ради общего блага. Ее, в свою очередь, заменила такая, которая не способна ни управлять, ни действовать конструктивно. И обе они одинаково успешно приносят вред.

Общество же не в состоянии выделить из себя «третью элиту», способную трудиться ради его блага. «Война посреди говна» — говаривал в таких случаях бывший министр Сенкевич.